

ТОМУ ЖЕ, КТО СТАНЕТ ХУЛИТЬ ЭТО
ПИСАНИЕ, ДА БУДЕТ БОГ ТОТ ВРАГОМ!

ЦИВИЛИЗАЦИЯ

– Очень приятно, бог, – весело ответил я. А что мне еще оставалось? Не падать же, в самом деле, в обморок. Короче говоря, я не стал спорить. Причин у меня, в принципе, было несколько. Во-первых, мне уже давно все осточертело, во-вторых, спорить с сумасшедшими, как известно, бесполезно, а в-третьих, я решил: «если он правда бог, то лучше не выпендриваться, вдруг парень не шутит».

ВЛАД МАЛЫШЕВ

16+

Влад Малышев

Цивилизация

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Малышев В.

Цивилизация / В. Малышев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-5321-0238-5

Познакомившись в уличном кафе с древнеегипетским богом Тотом, наш соотечественник волею чудесного волшебства переносится из современной Москвы в эру царствующих богов. Грядут тревожные времена. Коварный Сетх готовится осуществить заговор против Осириса, уже обращены в страшных зверей его злые демоны, и вскоре развернется на наших глазах кровавая битва. Сойдутся в смертельной схватке Повелитель Пустынь и Крылатый Хор, а Исида, рыдая, будет искать тело своего возлюбленного.

ISBN 978-5-5321-0238-5

© Малышев В., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Предисловие автора	5
Книга познания творений Ра	6
Глава I	6
Глава II	11
Глава III	17
Глава IV	20
Глава V	27
Книга последнего дня года	36
Глава I	36
Глава II	43
Глава III	45
Глава IV	49
Глава V	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Предисловие автора

Когда Тот предлагал мне устроиться к нему на работу в качестве писца, он сразу же предупредил, что я должен буду составлять два варианта рукописи. Один – официальный, так сказать, для потомков, а другой – правдивый, лично для него.

Поскольку мифологическая версия царствования древнеегипетских богов общеизвестна, я не намерен утруждать читателя излишней информацией и позволю себе опустить эту часть манускрипта. И потом, должен признаться честно, некоторые сцены были описаны мной в придворной летописи столь неправдоподобно, что я до сих пор удивляюсь, как в них мог хоть кто-то поверить. Таким образом, я представляю на ваш суд совершенно подлинный рассказ о происшествиях многотысячелетней давности, кои до сих пор считаются воистину легендарными.

Тому же, кто станет хулить это писание, да будет бог Тот врагом!

Книга познания творений Ра

Будь писцом, утверди это в сердце своем.

Глава I

Мое, надо сказать, совершенно незапланированное участие в событиях, положивших отсчет современной цивилизации, началось, как это ни странно, в наши дни. Я сидел за столиком уличного кафе и уныло доедал хот-дог, запивая его «Мириной» из банки. Настроение в тот июльский вечер у меня было поганое. Передо мной лежала потрепанная рукопись, которую в очередной раз не приняли в очередном издательстве. Я лениво перелистывал страницы и косился на воробья, который расхаживал неподалеку, надеясь поживиться крошками, отвалившимися от хотдоговской булочки. Наконец пернатому голодранцу наскучило ждать, он вспорхнул с тротуара, уселся на стол и бесстрашно двинулся к остаткам моего ужина. Бывают же такие наглые птицы!

Однако я не предпринимал никаких попыток противостоять дурно воспитанной птице. «А пропади оно все пропадом...» – мрачно подумал я.

Эта незамысловатая мысль по-прежнему протекала в моей понуро опущенной голове, когда я почувствовал, что, помимо воробья, поблизости возник еще кто-то. Рядом со мной появился незнакомец в дорогом черном костюме с золотыми пуговицами. «Именно с золотыми!» – почему-то сразу решил я. Как выяснилось впоследствии, я был абсолютно прав.

Внешность этой странной личности с первого взгляда показалась мне довольно симпатичной. Это был скорее восточный тип – смуглолицый, с раскосыми темно-кариыми глазами. Волнистые черные волосы ниспадали до самых плеч. Губы и нос были тонкими, аккуратно выстриженными.

Изобразив на лице довольно-таки ехидную улыбочку, этот субъект уселся за мой столик, согнав тем самым воробья, который уже считал меня своим полноправным приятелем. Пока я размышлял, стоит ли радоваться тому, что пернатый ворюга улетел или, наоборот, обидеться на непрошеного гостя, тот успел заговорить.

– Что, не печатают? – насмешливым тоном спросил он.

– Вам-то какое дело? – огрызнулся я.

Странно, но тогда меня даже не заинтересовало, откуда он мог быть в курсе моих проблем. Да, похоже, что в тот период своей жизни я был жутко апатичным.

– По-моему, ты совсем сник, парень. Да и есть вроде бы все еще хочешь. Может, зайдём в ресторан, там и пообщаемся.

Я наделил его сумрачным прищуром.

– Чего вы хотите? Мы ведь с вами не знакомы.

– Это ты со мной не знаком.

Он пристально огляделся по сторонам, как будто бы за ним следили.

– Так что, идешь? – загадочный собеседник поднялся. – И не бойся, я не ем непризнанных писателей, – его губы растянулись в самую язвительную из улыбок, которую мне когда-либо доводилось видеть.

– Ничего я не боюсь, – воинственно заявил я.

– Тогда пошли, – он буквально выпрыгнул на тротуар и со скоростью метеора начал удаляться от моего столика.

«С чего это он так уверен, что я понесусь за ним?» – про себя проворчал я. Далее у меня мелькнула мысль сбежать. Не то чтобы я боялся... Точнее сказать, я как раз боялся, но вовсе

не этого таинственного господина, а того, что у меня, кажется, происходит помутнение разума, поскольку, чем дольше я смотрел на творящееся со мной со стороны, тем менее реалистичным оно выглядело. Святая простота! Знал бы я тогда, какие приключения мне предстоят, так вообще упал бы в обморок и лежал дня два или три, даже не вставая с целью перекусить.

А обладатель костюма с золотыми пуговицами уже маячил у широко распахнутой двери ресторана и ожесточенно жестикулировал руками, призывая меня присоединиться к нему. «Ну, по крайней мере, я вроде бы не единственный, у кого не в порядке с головой», – с облегчением рассудил я и медленно поплелся навстречу своей судьбе.

– Есть такая пословица: «Умного судьба ведет, а дурака – тащит», – эту фразу незнакомец произнес, затаскивая меня внутрь заведения, для чего ему пришлось цепко ухватиться за мой локоть.

Я заподозрил, что он читает мои мысли.

– Да не читаю я, не читаю... так только – просматриваю, – махнул он рукой.

Если бы длинноволосый экстрасенс не подставил мне стул, я бы оказался на полу.

Когда я вернулся в действительность, он тоном царствующего монарха повелевал гарсону, чего мы изволим покушать. Бедняга внимал ему так, словно перед ним сидела тень короля Лира собственной персоной.

– Я не представился, – провозжая напутственным взглядом официанта, сообщил мой сосед по столику. – Меня зовут Тахути... или Тот. Кажется, у вас принят именно этот вариант произношения моего имени¹. Я – бог, слышал, наверное...

– Очень приятно, бог, – весело ответил я. А что мне еще оставалось? Не падать же, в самом деле, в обморок.

Короче говоря, я не стал спорить. Причин у меня, в принципе, было несколько. Во-первых, мне уже давно все осточертело, во-вторых, спорить с сумасшедшими, как известно, бесполезно, а в-третьих, я решил: «если он правда бог, то лучше не выпендриваться, вдруг парень не шутит».

– Я появился здесь для того, чтобы предложить тебе работу, – Тахути разложил на коленях салфетку.

Судя по всему, он не был новичком в посещении дорогих ресторанов.

– Какую работу? – машинально выпалил я.

– По специальности.

– Вам нужны экономисты? Что, состояние экономики Египта столь плачевное?

– Египта? – мне показалось, что бог письменности даже растерялся, но затем лицо его озарилось осознанной улыбкой. – Страну, которую ты так именуешь, в моем времени зовут Та Кемет, что в переводе с языка богов означает Черная Земля².

– Работа хоть постоянная или так? – осведомился я.

– Ну... – Тахути немного наморщил лоб, – думаю, на пару тысяч лет как минимум. Но мне совсем ни к чему... эти... как их там... экономисты, – добавил он.

– Знаете, в ближайшие две тысячи лет я свободен, как раз дальше у меня все забито, – хмыкнул я. – Считайте, что вам повезло. А что ж я должен делать, если не заниматься становлением вашей экономики?

– Мне, понимаешь, позарез необходим писец Книги Бога, – признался Тахути, – ну, или писатель, по-вашему.

– Писатель? – я не поверил ушам.

¹ Употребляемые в наши дни имена древнеегипетских богов, как правило, коптского или же греческого происхождения. Тахути, египетск. (Тот, коптск.) – в Династическую эпоху – божество Луны. В Раннединастический период он приобретает функции покровителя письма, а в эпоху Нового царства становится также божеством магии.

² Такое наименование Древний Египет получил благодаря темному цвету почвы Нильской долины.

Тахути утвердительно кивнул. В это счастливое мгновение нам доставили великолепно пахнущее мясное блюдо дивной конфигурации. Представления не имею, что это было такое, но вкус у него оказался просто потрясающий.

Мы на некоторое время прервали нашу непринужденную беседу, для того чтобы повонзять зубы в это кулинарное чудо.

– Сам посуди, тебя же ничто не держит, – отхлебнув «Мартины», продолжил мой угоститель. – Так что соглашайся. Чего ты?

– Ничто не держит, – эхом отозвался я. После хорошей порции пищи, удачно переправленной в желудок, я почему-то начинаю смотреть на жизнь философски. – А куда же подевался ваш знаменитый Ани? – Внезапно я вспомнил, что согласно многочисленным древним мифам у Тота был писец по имени Ани.

– Какой Ани? – Тахути вскинул брови.

«Нет, все-таки этот чудака – ненастоящий бог, – с долей разочарования заключил я. – Не может же египетский бог не знать, кто у него был писцом». Пришлось мне вкратце пересказать покровителю мудрости подробности его божественной жизни.

– Ах, вот в чем дело, – обрадовано просиял Тахути. – Ну, ты – чудака-человек. Как же я могу знать об Ани, если я его еще не нашел? Я как раз пребываю в поиске и ты – один из кандидатов. Неужели не понял до сих пор?

– Постойте-постойте, что значит, не нашли? Он ведь давно уже умер...

– Ни хрена он не умер, говорю же тебе, я писца себе еще не нашел, – упрямо повторил Тахути.

– Дяденька, объясните тупому, – состроив притворную рожицу, взмолился я.

– А тут и объяснять нечего, – отмахнулся Тахути. – Я же ведь из прошлого, и всему, о чем ты там читал у этого своего Ани, только предстоит свершиться.

– Вот как? Круто закручено, – оценил я.

– На том стоим, – не уловив моей иронии, Тахути надулся от гордости. Нормальный вроде бы мужик, а оказывается – бог. Ну как в такое поверишь?

– Платить-то хорошо будете? – на всякий случай полюбопытствовал я.

– Плата, на мой взгляд, достаточно высока – бессмертие, – не отводя от меня глаз, ответил Тахути.

Я закашлялся, подавившись маслиной, и Тахути пришлось хорошенько шарахнуть меня по спине. Ведь бессмертия-то я пока не обрел.

– Да уж, умеете вы убедить клиента, – прохрипел я.

– Итак, по рукам? – оживился пришелец из прошлого.

– Ой, постойте, что-то у меня голова кругом идет, – честно признался я. – И вообще, все это как-то больше напоминает сделку с дьяволом. Костюмчик-то у вас мрачноват. Небось, вы мне – бессмертие, а я вам за это – душу. Договор кровью будем подписывать?

– Душа... – задумчиво произнес Тахути. На какое-то мгновение он, и правда, сделался похож на бога мудрости. – Это я тебе потом как-нибудь... Сейчас ты все равно не поймешь³, – он вяло улыбнулся, и его гримаса показалась мне извиняющейся.

– Вы точно не Люцифер? – мне все-таки хотелось ясности.

– Да с чего ты взял? Неужели я такой страшный? – изумился Тахути.

– Вы, конечно, не страшный, – не стал я возражать против очевидного. – Но и на бога мудрости не очень-то тянете.

– И каким же, по-твоему, должен быть бог мудрости? – в голосе Тахути прозвучал неподдельный интерес, он даже вперед подался, чтобы лучше слышать.

– Каким, каким – мудрым, – назидательно выдал я.

³ По представлениям древних египтян у человека не одна, а семь душ. Подробнее об этом будет рассказано в дальнейшем.

Тахути неудержимо рассмеялся. Глядя на него, я сам невольно начал посмеиваться.

– Ага, значит, я должен с утра до вечера восседать, к примеру там, в позе лотоса и периодически сообщать собравшимся какую-нибудь лабуденную хрень! А вот это видел? – и Тахути сунул мне прямо под нос фигу.

– Вот уж не ожидал от бога, – отстраняясь, буркнул я.

– Слушай, хватит выкаблучиваться, – посерьезнел Тахути. – Ну, кому ты здесь нужен? Эти твои так называемые великие творения – это же, по чести сказать, фигня. Это я тебе авторитетно заявляю, как бог письменности.

– Фигня? – вспыхнул я. – Откуда вы знаете? Рецензию, небось, прочитали?

– Да нет, я их прочитал.

– Ну и зачем же вам тогда такой полный кретин в качестве писца? – продолжал бесноваться я.

Назвать мои произведения фигней! Такое я даже богам не прощаю. Ну ладно бы, писанина, это еще куда ни шло, а то фигня.

– Все-таки один из твоих опусов меня заинтриговал. Я даже удивился, что его не напечатали. У тебя есть один маленький рассказ на историческую тему...

– Всего один рассказ? – глухо переспросил я.

Меня как будто обухом по голове ударили.

– Он тебе удался потому, что ты работал с реальным историческим материалом. Тем не менее, ты внес заметную легкость в изложение довольно-таки скучных событий.

– Ну, спасибо и на этом, – процедил я. – Хоть что-то у меня получилось.

– Ты мне нужен, парень. Не могу тебе объяснить, почему. Многого ты толком не поймешь, да и потом, есть вещи, которые лучше не объяснять. Важно, чтобы человек сам их почувствовал, протащил сквозь себя, – Тахути проникновенно взглянул мне в глаза.

– Вы меня в краску вгоните, – мне, в самом деле, стало неловко. – Уговариваете, а я все ни в какую. К тому же вы – бог.

– Да нет, это нормально, – не согласился Тахути. – Только дурак никогда не сомневается.

Но я уже купился к тому моменту со всеми, надо признать, потрохами. «Ты мне нужен, парень», – вот что заставило меня сдаться. Ведь никто никогда не говорил мне этих слов. «Неужели где-то есть мир, в котором живут нуждающиеся во мне люди, да что там люди – боги!» – трепетно щебетало мое изболевшееся сердце. «Пойдем туда, пойдем, – стучало оно. – Хуже уже не будет». «Действительно, а что я, болван, еще чешусь? – моя голова как-то неожиданно прояснилась. – В кои-то веки попал в захватывающую историю и ломаюсь. Свинство самое натуральное!»

Я отодвинул в сторону стаканчик из-под десерта.

– Берете с испытательным сроком или как?

– Вообще-то я не намеревался. Но раз ты сам набиваешься, значит, так тому и быть – устроим тебе проверку. Не выдержишь, засуну тебя обратно в твоё грешное время, – с этими словами он решительно поднялся из-за стола. – Пора нам, братец, пора.

Мы покинули общепит для толстосумов и направились вниз по бульвару.

– Послушайте, а если вы бог, то зачем вам понадобилось идти со мной в ресторан? – спросил я, чтобы возобновить прерванную беседу. – Боги, как мне кажется, напрочь не нуждаются в пище.

– Много ты знаешь о богах, – гость из страны пирамид поманил меня на другую сторону улицы. – В принципе, я конечно, не нуждаюсь. Но не отказываю себе в маленьких удовольствиях. И потом, ты же был голодный.

Я благодарно посмотрел на своего нового знакомого.

– Кстати, «Мартини» – так себе выпивка, а вот обед – неплохой, – добавил он.

– Еще бы, за такие деньги! – фыркнул я.

Тахути взял меня за запястье.

– Приготовься, сейчас мы отправимся в мир, которым правят боги, – приглушенно произнес он.

Сердце мое сначала замерло, а потом вновь застучало в удвоенном ритме.

– Пойдите! – я остановился посреди тротуара.

– Что? Передумал? – Тахути недовольно нахмурился.

– Да нет, я не передумал. Но как же быть с Ани? Ведь всем известно, что писцом бога мудрости был Ани, а вовсе не я. Представляете, что может быть, если я за вами последую? – страшным голосом провещал я.

– Что? – насторожился Тахути.

– Будущее изменится! Разрушится пространственно-временной континуум и тогда Вселенной – крышка.

– Слушай, ну ты тот еще фрукт! – Тахути уже бессовестно ржал, держась за живот. – Вселенная разрушится! Контин... контин... Тьфу ты! Слово какое дурацкое!

– Ничего не дурацкое, – обиделся я.

– Яйца курицу не учат, – отрезал бог. – Уж что там будет со Вселенной – разрушится она или нет, это мне лучше знать.

– Докажите! – потребовал я. Иногда я становлюсь зверски упрямым.

– Вот привязался, – возмутился Тахути. – Хотя... Вот ты и будешь у нас этим самым Ани, если уж на то пошло.

– Как это? – я тупо уставился на бога мудрости.

– У писателей ведь принято брать себе псевдонимы. Чем тебе не псевдоним?

– Вообще-то, неплохой псевдоним, раскрученный.

– Раскрученный? – заинтересовался Тахути.

– Ну, это я вам потом как-нибудь... лет через пятьсот, – надменно ответил я.

– Хм... – физиономия Тахути расплылась в довольной улыбке. – А тебе, парень, палец в рот не клади.

– На том стоим, – заверил я.

Мы снова взялись за руки, словно малыши в детском садике, и сделали шаг вперед. Как показали дальнейшие события, это было отнюдь не поступательное движение. Это был рывок в никуда. Я ощутил внутри себя пугающе непроницаемую пустоту, и меня стал обуревать нечеловеческий ужас. Мне вдруг почудилось, что тьма – живая, она вот-вот проглотит меня, я растворюсь в ней и исчезну. Вездесущего бога мудрости почему-то не было рядом, а может быть, я его просто не видел. Так продолжалось не более минуты, во всяком случае, по моим подсчетам, однако зловещие переживания тех скоротечных мгновений останутся со мной навсегда.

Глава II

Темнота рассеялась, словно обыкновенный туман. Я обнаружил, что стою на земле, едва ли не по колено в песке, а вокруг, куда хватает глаз, простирается пустыня. Жара была градусов сорок. Я торопливо рванул ворот рубахи.

– Тебе только что довелось повстречаться с Вечностью, – услышал я за спиной знакомый голос.

Обернувшись, я обомлел. Передо мной стояло истинное божество, которое лишь при внимательном рассмотрении можно было принять за того, кто совсем недавно завербовал меня на работу в качестве писца.

Горячий сухой ветер, дующий с востока, развеивал блистающий темно-синий плащ с золотой подкладкой, накинутый на плечи горделивого небожителя. Его тело облегалo длинное одеяние под тон плаща, которое больше всего напоминало расширяющееся книзу платье; оно было перепоясано широким блестящим поясом, что был завязан в бант с узорчатыми концами. Шею бога мудрости украшало круглое, испещренное магическими знаками, ожерелье. Но все-таки самой запоминающейся деталью были золотые крылья, надетые поверх рук.

Легкой походкой это неземное создание направилось ко мне. Тахути был обут в сандалии, сделанные из тончайшей материи, которые, казалось, даже не касались земли, когда он ступал. «А что вы хотите от бога? Наверное, они все так ходят», – решил я.

– Двигаться столь легко мне позволяют крылья, – прочитав мои незамысловатые мысли, сообщил Тахути. – Когда я их сниму, то буду ходить так же, как и все остальные.

– Здорово! – позавидовал я.

– Ты тоже так сможешь.

Неуловимым движением Тахути извлек откуда-то вторую пару волшебных крыльев и молча протянул их мне.

– Это что? Я полечу? – обалдел я. – Я не умею.

– Научишься, – бросил Тахути и принялся прилаживать к моим рукам крылья. – Не суетись!

– Мне щекотно.

– Ишь, какой нежный, – насмешливая улыбочка Тахути по-прежнему была при нем и, судя по всему, исчезать никуда не собиралась. – Ну что, Ани, ты готов лететь?

– Ани?

– Привыкай к своему новому имени.

– А как лететь?

– Видел, как птицы летают?

Я согласно кивнул.

Бог мудрости выжидательно смотрел на меня. Я понял, что должен уподобиться тому самому воробью, которого мой новый знакомый невзначай лишил ужина, и отчаянно замахал руками-крыльями. К сожалению, ничего выдающегося со мной не произошло, я все еще стоял на земле, не в силах от нее оторваться даже на сантиметр.

– Плохо дело, – Тахути удрученно покачал головой. – Ты не веришь, что можешь взлететь, потому и прирос к земле. Ладно, попробуем иначе.

Не успел я открыть рот, как мы оба очутились на краю гигантской скалы, неизвестным образом выросшей посреди пустыни. Прежде чем я сумел догадаться, для чего Тахути понадобилось сооружать возвышенность, я ощутил могучий толчок в спину и, сорвавшись с обрыва, с бешеной скоростью понесся вниз. Должен сказать, что первую часть моего тренировочного полета вряд ли можно было назвать осознанной. Я неуклюже кувыркался в воздухе, хлопал

крыльями и что-то орал. В конце концов примерно в двух метрах от земли, мне удалось выровняться и набрать высоту.

Я сделал круг над замеревшим на гребне Тахути и медленно опустился в нескольких шагах от него. В тот момент я, по всей вероятности, и впрямь очень сильно напоминал птицу, причем рассерженную и нахохлившуюся.

– Зачем вам понадобилось меня толкать? А если бы я разбился? Хотя бы предупредили, – выпалил я.

– Если бы я тебя предупредил, ты бы и близко к краю не подошел, – резонно возразил Тахути. – А так я научил тебя летать самым простым и эффективным способом. Сам еще мне спасибо скажешь.

– Чего ж откладывать? Спасибо, – сердито ответил я.

– Теперь мы можем лететь, – не обращая внимания на мой праведный гнев, продолжил Тахути, – Только сначала переоденься. Когда мы будем пролетать над городом, тебя могут заметить, а твой наряд способен вызвать неадекватную реакцию у местных жителей.

– А что, хорошие джинсы и рубашка вроде ничего, – пожал я плечами.

– Для твоего мира, может, и ничего. Но здесь так никто не ходит, – объяснил бог мудрости. – И уж тем более, не летает, – подумав, добавил он.

После этих слов к моим ногам упало белоснежное одеяние, возникшее непосредственно из воздуха. Это было что-то вроде длинной рубахи до пят, обрамленной сверху и снизу золотистым орнаментом. Рукава оказались короткими и невероятно свободными. Я задумчиво рассматривал сей диковинный наряд, держа его перед собой.

– Долго ты будешь возиться? – не терпелось Тахути.

Я покосился на него. Тахути изобразил на лице злобредную улыбку, но все-таки отвернулся.

Я торопливо облачился в новую одежду. Она казалась неправдоподобно легкой и, что самое интересное, в ней практически не чувствовалась жара.

– Волшебство? – любопытствовал я.

– Обычная бытовая магия, – бог мудрости небрежно махнул рукой. – Благодаря тому, что при изготовлении твоей одежды на нее было наложено заклинание, летом в ней не чересчур жарко, а зимой не слишком холодно. Но все до определенных пределов, разумеется. Так что отправляться на северный полюс я тебе в таком виде не советую.

Я опустил свой прежний костюм в небольшое углубление, имевшееся в скале, бережно прикрыв аккуратно сложенный куль папкой с рукописью, потом отошел и устался на тайник.

– Ты чего? – удивился Тахути.

– Понимаете, там, в карманах, у меня остались ключи от дома, кошелек, паспорт... – при этих словах голос мой предательски дрогнул.

– Иными словами, это последнее, что связывает тебя с былой жизнью, – прозорливо догадался бог мудрости. – Когда ты уйдешь отсюда, то окончательно оборвешь нить, ведущую в прошлое.

– Наверное, так и надо, – грустно пробормотал я.

– Именно так и надо, – уверенно подтвердил Тахути.

Мы прыгнули с обрыва и, расправив крылья, ринулись к облакам. Ветер ринулся было нам наперерез, но, усмирившись рукой бога, принялся обдувать наши лица спокойной прохладой. Я не испытывал больше никаких трудностей с полетом. Мне просто изредка приходилось взмахивать крыльями, чтобы стремглав нестись над землей.

– Куда мы летим? – спросил я.

– В город Он⁴, – обернувшись ко мне, прокричал Тахути.

⁴ Он (Ану, Ину, египетск.) – находился в Нижнем Египте, на восточной стороне Дельты. Позднее стал называться Пер-

– А что там?

– Там находится один из моих дворцов. Весьма скромный.

Мы летели еще с полчаса, изредка перебрасываясь короткими фразами. В полете не очень-то разговоришься. А потом я увидел паруса, треугольные паруса тростниковых лодок, плывущих по Нилу. Мне блеснула в глаза мутноватая гладь воды, а в ноздри ударил аромат свежей зелени речной долины. Но я так и не успел полюбоваться великой рекой, потому что заметил вдали нечто совершенно неправдоподобное. Небо над горизонтом сделалось настолько пронзительно-синим, что на него трудно было смотреть. Оно сияло, словно огонь, на фоне которого даже солнце не выглядело таким ослепительным. «Небо – волшебное синее пламя», – промелькнули в моей голове строчки какого-то полузабытого стихотворения.

– Что это? – изумился я.

– Небо над Оном, – невозмутимо растолковал Тахути.

– А почему оно такое... такое... – онемел я.

– Да там, понимаешь ли, живет Нут, богиня неба, – мой спутник ткнул пальцем ввысь, – ну, и некоторые другие боги, помельче.

– Так они живут прямо на небе? – глупо улыбаясь, уточнил я. Вот и не верь после это в рассказы всяких бабушек, что сидят у церкви.

– Ну, не прямо на небе. На облаке, – добил меня Тахути.

Я машинально взмахнул крыльями, и впереди выросло то самое вместилище богов, о котором говорил Тахути. Это было огромное золотистое облако, простирающееся куда-то вдаль. В жизни я не наблюдал ничего более величественного! От такого зрелища поневоле проникнешься уважением к божествам.

Пока я, распахнув рот, созерцал грандиозную обитель Нут, внизу уже стали видны белокаменные строения Города Солнца. У Она напрочь отсутствовали стены, хотя мне прежде казалось, что любое древнее поселение крупнее деревни обязано быть огороженным. Но нет, границами города служили естественные атрибуты рельефа местности: река, облегающая Он с запада, и малопроходимые горы Нильской долины.

Даже с высоты птичьего полета нельзя было не оценить, как чудесен открывающийся вид. Признаюсь, что влюбился в Он с первого взгляда, с первого мимолетного дыхания, которое он бросил мне навстречу.

Столица Цивилизации напоминала сверху почти точный прямоугольник, разрезая который, разбегались в разные стороны улицы, ведущие к городским кварталам, пристаням, храмам. В центре города раскинулся шикарный мраморный дворец. Площадь перед ним, несмотря на то, что был день, освещал гигантский фонарь⁵. Неподалеку возвышалась стоящая в кольце пальмовых зарослей пирамида. В глаза бил свет, отражающийся от ее глянцевитых граней.

Мы пошли на снижение и приземлились в великолепно ухоженном парке. Он был засажен высоченными пальмами, упорядоченными в стройные галереи. В глубине парка высилось грандиозное трехъярусное сооружение размером с хороший стадион. В отличие от большинства построек Города Солнца, оно оказалось сложенным из желтого камня. Вершину дворца венчала золотая пирамида, которой мог бы позавидовать сам Хеопс.

– Вот это и есть мое непритязательное жилище, – потупил взор Тахути.

– О вашей скромности, наверное, ходят легенды, – не удержался я от завистливой колкости.

– Вообще-то, легенды ходят о моей мудрости, – поведал Тахути, отправляясь к каменной лестнице, ведущей прямо на второй ярус дворца.

«Живут же боги!» – подумал я, следуя за ним.

Ра, «дом солнца», а греки дали ему имя Гелиополь.

⁵ Что это за «фонарь» станет ясно немного позднее.

Обычно в двух шагах от чего-либо значительного мне начинают приходить в голову самые что ни на есть паникерские мысли.

– Стойте! – закричал я, хватая Тахути за руку.

– Что еще? – обернулся он.

– Я ведь не знаю древнеегипетского.

– А на кой он тебе?

– Ну, как же... – растерялся я. – Я ведь должен буду писать папирусы, эту вашу Книгу Бога. А как, скажите на милость, я ее напишу, если не владею языком?

– Ну уж чем-чем, а языком-то владеешь, – усмехнулся Тахути.

– Я серьезно! – чуть не плача, воскликнул я.

– Не суетись, Ани, это моя проблема, – спокойно произнес бог мудрости. – Мы с тобой уже битый час разговариваем на том самом языке, на котором тебе придется излагать незабываемые истории, свидетелем которых ты станешь, – на лице Тахути возникло величественное выражение. – Стало быть, и писать ты научишься. Это произойдет как бы само собой.

– Мы разговариваем на древнеегипетском? – ошалело переспросил я.

– На древнеегипетском, – передразнил Тахути. – На языке богов!

Я облегченно вздохнул, удостоверившись, что языковой барьер между мной и жителями Черной Земли не является проблемой, и мы смогли продолжить наше путешествие ко входу во дворец.

Мы ступили на лестницу, и тут мне довелось увидеть самую прекрасную женщину, какую я лицезрел когда-либо в своей непутевой жизни.

Ко мне спускалось существо неопишуемой красоты. Два больших пронзительно-голубых глаза уставились на меня с нескрываемым любопытством. Неожиданно незнакомка улыбнулась, продемонстрировав умильные ямочки на щеках, и я понял, что как бы сногшибательно она не выглядела, ее основное достоинство – это воистину небесное обаяние.

– Это Маат, моя жена и по совместительству богиня справедливости, – представил Тахути свою супругу.

В ее одеянии, так же как и в одежде моего спутника, преобладали синие тона, разве что они были чуть светлее и ярче. На ней было длинное платье, накидка с нежно-голубой подкладкой, тугие черные волосы окружал сияющий обруч, который нес откинутую назад полупрозрачную фату и пышное страусовое перо.

– Очень приятно... Ани, – смущенно промямлил я.

– Ты наконец-то нашел писца, дорогой, – просияла Маат. – О, ты так долго его искал.

– Да уж, пришлось попотеть, – не стал возражать Тахути, – но, надеюсь, оно того стоило.

Я надулся как индюк на пороге птицефермы, и мы все втроем отправились вверх по ступеням. Мы вошли в неприлично огромный зал, потолок которого поддерживали испещренные иероглифами золотые колонны в несколько обхватов. По форме они напоминали стебель тростника. Кроме них не наблюдалось никаких особых излишеств. Наверное, это была прихожая.

В следующих комнатах было не менее просторно, правда, колонны там стояли не золотые, а бирюзовые или нефритовые. Поверхность пола была расписной, но это как-то не сразу бросалось в глаза. Легкие узоры и незамысловатые рисунки зверей и птиц как будто бы начинали проявляться лишь только тогда, когда кто-то на них смотрел.

– Между прочим, так оно и есть на самом деле, – угадал мое недоумение Тахути, – картины оживают, если появляются зрители.

Я даже не нашел, что ему ответить, и удивился молча.

Стены дворца были сложены из прямоугольных монолитов, покрытых неким однородно светящимся составом, испускающим нежные, чуть зеленоватые, лучи. Однако стоило мне на миг замешкаться возле одной из таких «голых» стен, как мимо тут же пронеслась быстроногая

газель, обдав жаром своего разгоряченного тела. Я увидел саванну и далекие темные горы на горизонте. И вдруг все разом исчезло. Я устоял на Тахути с видом параноика неподдающегося лечению. Но тот в спешке махнул рукой – дескать, объясню как-нибудь на досуге.

Пожав плечами, я продолжил изучение особенностей жилищ богов, не пытаясь больше задавать немые вопросы, отвлекающие хозяев.

Что касается мебели, наличествующей во дворце, ручаясь, любой антиквар согласился бы отдать душу дьяволу за последнюю табуретку из этих сказочных гарнитуров. Залюбовавшись окружающей меня роскошью, я едва не пропустил момент, когда надо было нажать на тормоза. Но хозяин дворца, осведомленный, надо полагать, о моей рассеянности не хуже чем я сам, вовремя схватил очарованного странника за руку.

– Куда это ты разогнался, парень, того и гляди, в дверь врежешься? – усмехаясь, спросил он.

– Экскурсия закончена? – жалостливо протянул я.

– Насмотришься еще, – намекнул Тахути. – Перед тобой твои апартаменты. Располагайся, отдыхай, привыкай, ну и все такое прочее. Завтра утром потихоньку начну вводить тебя в курс дела.

– Это хорошо, что потихоньку, – я расслабленно улыбнулся, – а то если будете вводить меня в курс дела шустро, моя бедная крыша совсем съедет.

– Крыша? Какая крыша? – оживился Тахути.

– Ах, не берите в голову, – устало процедил я, – это всего лишь идиоматическое выражение.

– Видел бы ты выражение своего лица, парень. Тебе, кажется, пора баиньки, – хмыкнул бог.

Возражений с моей стороны не последовало. Я распахнул высокую двустворчатую дверь и бесстрашно вступил в свое новое жилище.

– Желаю тебе приятного отдыха, Ани, – вдогонку произнесла Маат.

Я раскрыл рот, чтобы ответить, но...

Ответить богине я не смог, хотя это и выглядело как подлинная бестактность. Поверьте, у меня была на то уважительная причина. Я стоял на краю широкого зала, который почему-то был заполнен водой, доходившей ровно до порога.

– Спасибо, – все-таки выразил я свои чувства, хотя преобладала в них, скорее, язвительность, нежели признательность.

Хорошо, что Маат и Тахути уже успели к тому времени затворить за собой двери.

Впереди сияло окно, однако плыть до него мне не хотелось. Минуту я промялся на пороге дурак дураком, пока наконец до меня не дошло, что вода ненастоящая, ровно так же, как и газель на стене. Она была, так сказать, вмонтирована в покрытие пола. Придя к такому конгениальному выводу, я криво ухмыльнулся и с большой осторожностью попытался сделать шаг. Дальнейшие события с вопиющей очевидностью подтвердили величие моего кропотливого ума. Я прошел по воде аки по суху и остановился посреди отведенных мне хоромов.

С бирюзовых стен свисали спелые грозди винограда. Я даже не стал выяснять, натуральный ли он, у меня уже не было сил чему-либо поражаться. Потолок был выложен из какого-то синеватого минерала. Кстати, до потолка было метров двадцать.

Я довольно долго пребывал в позе Каменного гостя, взор мой неприкаянно метался по сторонам, не в состоянии на чем-нибудь сконцентрироваться. Я совершенно не представлял, как жить в таком бесконечном помещении. Да и никаких предметов сугубо домашнего обихода поблизости не было – даже кровати, о которой, признаться, я давно уже мечтал. Правда, я заметил несколько пузатых диванчиков, а, кроме них, примерно около сотни табуреток, кресел и маленьких столиков. «В крайнем случае, кресла сдвину», – прикинул я и тут вдруг обнару-

жил, что в стенах зала имеются двери. По-моему, они появились сразу после того, как я начал грезил о кровати.

Повинуясь внутреннему инстинкту, я пустился наугад и очутился в спальне. Справедливости ради должен отметить, что отнюдь не мгновенно об этом догадался. Передо мной громоздилось чудное сооружение из красного дерева, которое с первого взгляда можно было принять разве что за орудие пыток. Подобным образом я и рассуждал, но, пораскинув мозгами, решил, что вряд ли станут делать дыбу из такого хорошего материала.

Приспособление представляло собой деревянную раму, на которую была натянута упругая сетка из плоского шнура. Установлено оно было наклонно: дальняя часть выше, чем ближняя. Внизу имелась загадочная прямоугольная подставка, а к верхней части была придвинута неуклюжая раскладная табуретка. На этой самой табуретке и лежал свернутый в рулон папирус. «Неужели инструкция?» – обрадовался я и торопливо развернул сверток.

*Дорогой Ани, именно так должно выглядеть ложе жителя Черной
Земли по представлениям твоих современников от науки. Надеюсь, теперь ты
понимаешь, чего стоят все эти умники.
Всегда твой – Тахути.*

Далее следовала приписка:

Папирус сожги!

«Вот гад!» – с восхищением хмыкнул я. Между тем послание бога мудрости, в самом деле загорелось, причем абсолютно без моей помощи. Я выронил его из рук и принялся ожесточенно затапывать. Когда, справившись с этим нелегким занятием, я оторвал глаза от пола, передо мной стояла широченная кровать, укрытая балдахином. По моему скромному разумению в таком изысканном вигваме можно было не то что спать, а и жить.

«Это уже лучше», – кивнул я.

Глава III

Постояв с хозяйским видом на пороге спальни, я решил отправиться на осмотр других помещений. Однако стоило мне выглянуть в коридор, как я едва не заскочил обратно. Прямо передо мной, откуда ни возьмись, возникла полуобнаженная незнакомка. Брови и кончики век неизвестной красавицы были подведены жирной тушью, ну прямо в точности, как на картинке из учебника истории. Единственным предметом туалета, который облегал эту куколку, была короткая зеленая юбочка-передник. Правда, имелся золотой обруч на голове, из-под которого струились короткие гладкие волосы цвета вороного крыла. Из-за спины смуглолицей прелестницы выглядывали еще три, точно такие же. Отличие заключалось лишь в том, что они держали в руках подносы. На одном возвышалась гора фруктов, другой был уставлен кувшина и кубками, а на третьем громоздились чаши с горячими блюдами.

«А вот и девочки по вызову, – тупо подумал я, – и пожрать принесли».

Нужно было видеть при этом мою глупую рожу.

– Приветствую тебя, Ани, – произнесла предводительница кулинарного гарема, перекрестив руки на груди в традиционном древнеегипетском «здравствуйте». – Меня зовут Табуба, я – служительница. Богиня Маат послала нас к тебе и поручила как следует накормить, потому что ты голоден с дороги.

– Накормить? – недоверчиво переспросил я.

– Да, если тебе захочется иных наслаждений, придут другие девушки, – не моргнув глазом, ответила Табуба.

Я покраснел и попытался засунуть руки в карманы, но карманов в моем новом наряде не было предусмотрено.

– Ладно, кормите.

– Мы проводим тебя в столовую, Ани, – поведала Табуба. – Но не хочешь ли ты сначала снять крылья?

Я вспомнил, что до сих пор хожу, чуть касаясь ногами пола.

– А я и забыл совсем, – признался я.

Быстренько сбросив свое золотистое оперение, я уложил его на одну из кушеток. На меня внезапно обрушилась страшная усталость, как будто бы сказочные крылья не только помогали мне передвигаться, но и убавляли сводящее с ума напряжение от всего того, что приключилось со мной за последнее время. Я заподозрил, что, наевшись, уже не захочу никаких «иных наслаждений», а завалюсь в постель и усну, как убитый. Впрочем, именно это мне и предсказывал мой наимудрейший приятель из числа богов.

Надо ли говорить, что комната для приема пищи во дворце Тахути выглядела столь же «непритязательно», как все и остальные? Огромный мраморный стол, вдоль которого были расставлены легкие темные стулья с высокими спинками, оканчивался где-то на границе моего зрения.

После того как я скромно уселся с краю, меня обступили служительницы (рабыни что ли?) и принялись расставлять дары гостеприимных хозяев. Вообще-то я был не слишком голоден, ведь накануне мы с Тахути недурно перекусили. И все же от небольшой порции жареного гуся я отказаться не смог. Кушанье было великолепное. Однако самым что ни на есть чудесным сокровищем Черной Земли оказалось вино. Она было даже не красным, а каким-то чернотфиолетовым. Но что у него был за вкус! Вот уж воистину мне посчастливилось отведать напиток богов. Отхлебнув из наполненного до краев золоченого бокала, я минуты две или три сидел обалдевший, взирая на мир блаженным взглядом счастливец.

– Если желаешь, мы пригласим танцовщиц, – предложила Табуба.

– Танцовщиц? Почему бы и нет? – все еще прибывая в возвышенном состоянии духа, согласился я.

Табуба подала знак одной из своих молчаливых помощниц, и та исчезла за дверью. Минут через пять, когда я уже лениво пощипывал виноград, полностью удовлетворив чувство голода и жажды, в зале появился ансамбль местного народного творчества из трех артисток, сопровождаемых оркестром. Девушки с инструментами (а таковыми были: длинная раздвоенная дудочка, переносная арфа и нечто, похожее на домбру) показались мне одетыми хоть и не слишком скромно, но все поприличнее, чем мои прислужницы за столом. Их облегали длинные белоснежные сарафаны, не закрывавшие, правда, округлостей, свойственных женской фигуре. Что же касается танцовщиц, то их наряд являл собой следующее: тонкие цветные пояски из золота и камней вокруг талии, браслеты у локтей и на запястьях, маленькие тубетеечки на голове.

Пока я собирался с разбежавшимися мыслями, голые египтянки выстроились в ряд, и заиграла музыка. Танцовщицы медленно и плавно двинулись по кругу. Арфистка заиграла громче, а потом запела, чего я совсем не ожидал.

*Слаблю владыку дома,
Он – покровитель знанья,
Хранитель точных законов,
Знающий толк в заклинаньях.*

*Делу он предводитель,
Что цели достигнет конечной,
Слов судья и правитель,
Мудрости бог безупречный.*

*Ты, о чей лик возвеличен,
Правдой чисты твои руки,
Силой великой отмечен
Ка твой всемерно могучий.*

– Это хвалебный гимн в честь Тахути, – шепнула мне на ухо Табуба.

После того как песня закончилась, танцовщицы пустились в пляс, словно заведенные. Это был некий замысловатый набор акробатических номеров вперемежку с прыжками.

– Ка твой всемерно могучий... А что она имела в виду? – стараясь побороть хмель, заинтересовался я у Табубы.

– Хочешь уединиться с дарующими наслаждения? – поняла собеседница.

Умненькая, надо сказать, попалась девочка.

– Да уж, хочу, – буркнул я.

Табуба два раза хлопнула в ладоши, концерт прекратился, и все шесть красавиц спешно покинули зал. Я недоуменно посмотрел им вслед.

– А разве это были не они? – обескуражено спросил я.

– Ты, кажется, не очень хорошо разбираешься в наших порядках, – догадалась Табуба.

– Что верно, то верно, – не имело смысла оспаривать очевидный факт.

– Дарующие наслаждения носят длинные волосы, – объяснила Табуба.

– Ах, вот оно что...

– Отправляйся в свои покои, Ани, я позабочусь о том, что бы тебе было хорошо, – она заговорщически улыбнулась.

Я постарался изобразить ответный жест дружелюбия, после чего нетвердой поступью поплелся на встречу со своей гигантской кроватью. Да, ноги мои подгибались, но не столько из-за того, что я был сильно пьян, а просто я никогда раньше не ложился в постель с незнакомыми женщинами. По дороге я вспомнил, что неплохо было бы принять душ и сделать еще кое-что. Я беспомощно оглянулся.

– Бассейн и другие удобства за дверью, – Табуба мелькнула в дверном проеме за моей спиной.

Ее изящная тонкая ручка указывала нужное направление движения.

– Покорнейше благодарю за инструкцию, – я отвесил ей гротескный поклон.

Она сделала то же самое, но на полном серьезе.

«Наверное, она ангел. Добродушный, милый ангел, которому поручено за мной присматривать», – с нежностью подумал я.

– До рассвета, – попрощалась девушка.

– Что? – не понял я.

– До рассвета.

«А, это у них так желают спокойной ночи», – допер я.

Бассейн был именно таким, каким и положено быть бассейну. Только он был выложен не кафелем, как в моем бедном мире, а мозаикой из разноцветного горного хрусталя. Я сбросил с себя одежду и нырнул в освежающую прохладу. Пробарахтавшись примерно с полчаса, я, наконец, выбрался на сушу. Усталость как рукой сняло. Я был абсолютно свеж и готов к новым подвигам и свершениям.

На прогулку я пустился прямо голышом. Какой смысл одеваться, если тебя ждут дарующие наслаждения? Однако в спальне пока еще было пусто. Я откинул занавесу и уселся на край ложа. В этой задумчивой позе меня и застали те, кому по статусу было допущено носить длинные волосы.

Неслышно ко мне вошли две обнаженные гетеры. Первая, без сомнения, была уроженкой Черной Земли. Вторая же отнюдь не казалась жительницей здешних мест. Меня приятно поразила ее светлая кожа, волосы ниспадали почти до пола серебристыми волнами, выразительные ярко-зеленые глаза, мерцали как два таинственных магических кристалла.

– Привет... – хрипло выдавил я, на всякий случай отползая подальше.

– Здравствуй, Ани, – скрестив руки на груди, произнесла египтянка. – Меня зовут Мева.

– А я – Альтея, – одарив меня поклоном, представилась зеленоглазая.

Едва жрицы любви приблизились, пространство заполнилось загадочным индиговым туманом. Ощущение было такое, что нас обволакивает само звездное небо. В этой чудесной дымке мы парили до самого утра, хотя ни у кого из нас не было крыльев.

Глава IV

Проснулся я по привычке ни свет ни заря. «На работу...» – тоскливо застучал мой мозг...

Через секунду я вскочил, как ужаленный, и оторопело огляделся вокруг. Клянусь, мое первое пробуждение во дворце египетского бога произвело на меня куда большее впечатление, чем встреча с Вечностью, полет на волшебных крыльях да и все остальное в придачу. До сего мгновения я, наверное, все еще наивно полагал, будто происходящие со мной события – один из моих дурацкий снов. Но проснуться в собственном сне было крутовато даже для меня. Потрогав растрепанную кровать, я уставился на окно, за которым возвышались высокорослые пальмы, и понял, что свихнулся.

Я непременно бы волком завыл от такого открытия, если бы на мое счастье в дверях не появилась Табуба.

– Была плохая ночь? – мое разочарование, как всегда, было написано у меня на лице.

– Нет, что ты, ночь была прекрасной, – смутился я. – А вот пробуждение... Знаешь, я ведь думал, что все это сон.

– Жизнь и есть сон, – философски заметила Табуба и мило улыбнулась.

– Да? – я нервно оскалился. – Ну, тебе видней. Ты ведь живешь рядом с богами. Скажи, давно ты им служишь?

– Лет сто, – наморщив лобик, сообщила мне собеседница.

– Сто лет! – возопил я.

Табуба покосилась на меня как на слабо помешанного.

– Чему ты так удивился? – спросила она.

– В моем мире столько живут лишь редкие долгожители.

– У нас многие живут дольше, – пожав плечами, произнесла Табуба.

Возможно, она мне просто не поверила.

– А какой сейчас год?

– Триста шестьдесят третий, какой же еще?

– Угу... А триста шестьдесят третий от чего?

– От начала правления Ра.

Девушка, кажется, окончательно разуверилась в моих умственных способностях. Впрочем, она не стала задумываться о пустяках и перешла на деловой тон.

– В соседней комнате гардероб, через некоторое время я вернусь и провожу к Тахути, он хочет вместе с тобой позавтракать. Но ты можешь не торопиться, Тахути завтракает довольно поздно.

– Похвальная привычка, – оценил я.

Табуба молча кивнула, после чего весьма проворно исчезла. Зевнув, я выглянул в окно и увидел квадратный бассейн, узким каналом соединенный с рекой. Это водное сооружение под открытым небом показалось мне великолепным, и я решил в нем непременно искупаться. Перво-наперво я пустился подобрать себе новую одежду, потому что длиннополое платье, отдаленно напоминающее женскую «ночнушку», как-то не очень меня устраивало.

Меня ожидало приятное изумление. Передо мной в два ряда тянулись длинные бамбуковые жерди, увешанные таким количеством всевозможных нарядов, что в голове непроизвольно мелькнула мысль, а не завернул ли я ненароком в костюмерную Большого театра. Впрочем, откуда бы ему здесь взяться?

Я медленно прошелся вдоль рядов, восхищенно взирая на окружающее меня изобилие. За всю мою жизнь у меня не напаслось бы такого количества шмоток. Постепенно я освоился, вследствие чего мое обезумевшее лицо приобрело более осознанное выражение.

Шиковать я не стал, в особенности, ради похода в бассейн. Я выбрал скромный белый передник, отделанный золотом и парчой. Мой новый наряд представлял собой то самое традиционное одеяние жителей Черной Земли, которое часто можно найти на книжных иллюстрациях или в исторических кинолентах. Это был кусок ткани с поясом, который оборачивался вокруг тела. Словом, распашная юбка ни больше, ни меньше. Средняя часть, собранная в складки, только усиливала сходство. Увидал бы меня в таком виде кто-нибудь из моих прежних знакомых!

Походкой зажавшегося миллионера я отправился на принятие водных процедур. Покинутый мной мир, отдалялся от меня с такой впечатляющей стремительностью, что я искренне не понимал, чего я так перепугался, продрвав глаза на своем стадионоподобном ложе. Теперь мне уже казалось, что та, прошлая, жизнь является для меня сном, и я был поистине счастлив, что наконец проснулся. Выходя на террасу дворца, я с наслаждением вдохнул горячий африканский воздух, а мой рот непроизвольно растянулся в улыбке на манер гримасы слабоумного ребенка, которому подарили конфетку.

Присев у кромки бассейна, я зачерпнул в ладонь немного воды. От нее исходила не только прохлада, но и диковинный аромат. Полагаю, дело было в том, что в водоеме привольно расплодилось семейство белоснежных лотосов. Я осторожно ступил в воду и поплыл, то и дело касаясь телом, душистых растений.

Я нежился в теплой нильской воде довольно долго, пока мой чудесный утренний моцион не был прерван совершенно бесцеремонным образом.

– Эй, этот ваш словоплет еще дома? – прямо напротив меня из воды возникла морда крокодила.

У нее были совершенно осмысленные глаза, и она говорила по-человечески!

Я даже не сразу сообразил, что говорит не крокодил, а незнакомец, который сидит на нем верхом.

Чего я до сих пор не в силах вспомнить, так это то, как попал на берег. Там я взобрался на растущую у воды небольшую сикомору, которая едва не переломилась под моим весом.

– Зарядка что ли? – недовольно пробубнил коренастый, неуклюжего вида коротышка.

Он был одет в места штопанную набедренную повязку, а на голове у него громоздилось некое сооружение из папируса, из-под которого выглядывали зеленоватые, похожие на водоросли волосы.

– У-у-у... – ответил я.

– Так что, у себя этот клоун? – настойчиво поинтересовался хозяин страшного чудовища. Изъяснялся он, словно булькал, и я не мог бы назвать тип его голоса иначе, чем визгливым басом.

– Это вы о ком? – подозрительно спросил я.

– Да о Тахути. О ком же еще? – ворчливо бросил зеленоволосый невежа.

Мне пришлось смерить наглеца надменным взглядом.

– Не знаю. Соболаговолите осведомиться у служителей.

Это надо же, обозвать бога мудрости шутком! Меня прямо-таки передернуло от ярости. Коротышку спасло лишь то, что у него был крокодил с огромным количеством зубов, а то бы я ему показал.

Плавающий кошелек неуклюже перевалился через край бассейна и исчез в недрах дворца вместе со своим хозяином. «Ну и посетители у Тахути, – нахмурившись, подумал я. – А что если...» Я похолодел от недоброго предчувствия. Несмотря на жару в сорок градусов, меня пробил самый настоящий озноб и холодный пот ледяными струйками понесся по телу. «... что если, он привел крокодила, чтобы...», – в моей черепной коробке с лязгом провернулись какие-то жернова, заставив обезуметь от ужаса.

Я сиганул вниз и устремился вдогонку за кровожадным убийцей и его двуногим сообщником, умудрившись на бегу обернуться в свой банный наряд.

В коридоре я чуть не сбил с ног Табубу.

– А я как раз тебя ишу, – девушка поклонилась, но мне в тот момент было не до любезностей.

– Где... Тахути? – прохрипел я, вцепившись ей в запястье.

– В столовой. Он послал за тобой, чтобы пригласить на завтрак, – египтянка смерила меня странным взглядом.

– Куда бежать?

Табуба определила рукой направление.

– Не торопись так, Тахути не рассердится.

У меня не было времени, чтобы ответить. Пронесшись по дворцу со скоростью ядерной ракеты, я ворвался в двери главной трапезной бога мудрости.

Тахути сидел за причудливым многоугольным столом, накрытым золотой скатертью. Предполагаемый преступник восседал рядом и за обе щеки уплетал жареную дичь. Вокруг суеилось несколько полуголых служительниц. Крокодил лениво разлегся в углу, и на него почему-то никто не обращал внимания.

– А! Вот и ты! – обрадовался Тахути, заметив меня.

При этих словах таинственный гость и крокодил уставились в мою сторону.

– Проходи, Ани, раздели наш скромный завтрак.

– Спасибо, – буркнул я, невольно сглотнув слюну. Тому, что во дворце Тахути называют скромным завтраком, позавидовали бы лучшие парижские рестораны.

– Позволь представить тебе Хапи, бога Синей Реки⁶, Подателя Разливов, ну и так далее... Хапи слегка привстал.

– Крокодила зовут Себек⁷. А это Ани, мой писец.

– А он не кусается? – указал я на Себека.

– Ручной, – жуя, промямлил Хапи.

На всякий случай я все-таки сел подальше.

На нервной почве у меня зверски разгорелся аппетит, и пару минут я молчал, потому что рот мой был занят едой. Ну и перепугался же я! Вот чудик. Мог бы и сам догадаться, что парень с крокодилом – речной бог.

Между тем Тахути и Хапи вели светскую беседу.

– Как поживает богиня Нехбет⁸? – осведомился бог мудрости.

– А! Все пилит, зараза, – злобно фыркнул Податель Разливов.

– Неужели? – Тахути слегка вскинул правую бровь.

– Все, говорит, боги как боги, живут во дворцах, одни мы с тобой, дуралеем, в пещере.

И чего этим богиням нужно? – Хапи сердито сжал кулаки.

– По-моему, хорошая пещера... – пожал плечами Тахути.

– А я ей про что? – воскликнул повелитель Нила. – И, главное, все же своими руками. Помнишь, какой у меня водопад? А каменные пороги?

– Не огорчайся, – сказал мудрейший из богов. – Нашел из-за чего волноваться.

– Слушай, наплел бы моей швабре что-нибудь насчет космической необходимости или как там у тебя... Не люблю я эти замки.

– Пожалуй, я залечу к вам как-нибудь, – изрек Тахути.

⁶ *Синяя Река* – одно из названий Нила, который именовался также: Великая Река, Небесная Река, Подательница Жизни или просто Хапи.

⁷ *Себек* (Собек, египетск., Сухос, греч.) – согласно Текстам Пирамид бог с крокодильей головой.

⁸ *Нехбет*, египетск. – покровительница верховий Нила.

– Выручай, если что, за мной не заржавеет, – бог Синей Реки от радости едва не перевернул стол.

– Знаю, Хапи, поэтому и соглашаюсь помочь тебе, – посерьезнел бог мудрости. – Настанет пора, когда нам лучше будет держаться вместе.

– Это ты о чем? – удивился речной бог.

– Увидишь со временем.

– Мне бы твою прозорливость, Тахути, – вздохнул Хапи. – Ты зришь будущее за миллионы лет вперед!

– Ты преувеличиваешь, мой друг, – скромно возразил Тахути. – Если бы это было так.

Настал черед смены блюд. Служительницы принесли десерт и фрукты. Воспользовавшись этой мимолетной паузой, Хапи повернулся ко мне.

– Сам-то откуда? – толкнув локтем в бок, спросил он.

– Издалека, – не моргнув глазом, отыскал я выход из положения.

Уж врать-то меня не надо учить! Тахути при этом одобритительно махнул головой.

– Случайно не из Земли Озера⁹? У тебя кожа светлая.

– Ани жил севернее, – взял слово бог мудрости. – Думаю, я заскочу к тебе завтра. Ты не против?

– Отлично! С меня шикарный обед и выпивка, – Хапи разом позабыл обо мне и моей исторической родине.

– Не спорю, он грубоват, – произнес Тахути, когда речной бог и его толстокожий любимец наконец-то нас покинули. – Но если вдруг припечет, на него можно будет положиться.

– Что значит припечет? – насторожился я.

– Это я так, на всякий случай, – ушел в сторону мой работодатель.

Я покосился на бога мудрости с огромным подозрением, но тот задорно улыбался, всем своим видом давая понять, что все у меня будет отлично.

– А где же ваша прекрасная жена? – мне пришлось сменить тему, ибо информация о том, где, когда и как припечет, видимо, значилась у Тахути под грифом «секретно».

– Творит справедливость, – отозвался бог мудрости. – Прямо с утра и начинается. Дел-то, сам понимаешь, хватает.

Я сочувственно кивнул.

– Вот что, парень, – Тахути пожевывал ломтик ананаса, – я, пожалуй, дам тебе пару недель на то, чтобы осмотреться. Наблюдай, изучай обычаи. Загорай, в конце концов. Хапи прав, ты выглядишь слишком уж неместным. Это вызовет лишние вопросы, что нам совершенно ни к чему.

– Правда?

– Я же не собираюсь объяснять каждому встречному, что доставил тебя из будущего!

– Так что мне делать?

– Сходи в город. Поглазей на достопримечательности.

– Да, это интересно.

– Ну вот.

– Так я пойду?

– Давай-давай. Мне еще к Ра надо слетать.

Я поднялся из-за стола и направился было к выходу, но на полпути остановился.

– Служители они кто – рабы? Как мне с ними обращаться?

– Рабы? У нас нет никаких рабов. Ты что, парень?

– Разве? А в учебниках написано...

– Забудь ты про свои учебники!

⁹ Фаюмский оазис.

- Так кто же они?
- Служители – это те, кто служит богам. Весьма почетное дело, между прочим.
- А... выходит, теперь я тоже служитель.
- Ну... в общем да. Правда, большинство из них иного происхождения.

Честно говоря, особого значения словам Тахути о происхождении служителей я тогда не придал. Заподозрив, что они из каких-нибудь благородных семей, однако впоследствии выяснилось, что это совсем не так.

Пожав плечами, я отправился на свою первую самостоятельную прогулку. Через парк вела выложенная белыми мраморными плитами дорога, которая перерастала в городскую улицу. Уже очутившись на ней, я вспомнил, что не взял чудесные крылья. «А ничего, – решил я, – так даже лучше – не привлеку к себе внимания. Поброжу, посую свой нос, куда только захочу».

Улица была застроена не слишком плотно. Дома располагались на приличном расстоянии друг от друга. Почти все они были невысокими, в один или два этажа, но при этом необычайно просторными. Они стояли на приземистых платформах с ведущими вниз ступеньками. Сложены строения были из прямоугольных камней – либо белых, либо слегка золотистых. Иногда в качестве материала применялся саманный кирпич¹⁰, но в основном для устройства каких-нибудь декоративных оградок.

Стены домов, во всяком случае, те, что выходили на улицу, имели очень маленькие окна: квадратные, под самой крышей. Вероятно, это было сделано для того, чтобы спастись от жары. Крыши у всех зданий были плоскими, но на некоторых имелись какие-то странные треугольные пристройки, расположенные попарно друг против друга¹¹.

Как правило, каждое строение окружал обширный сад, засаженный всевозможными цветами, что источали вокруг дурманные ароматы. Растения были убраны в аккуратные клумбы, яркими пятнами пестрели среди стволов платанов, плакучих ив, пальм и тамариска. Сады разделяли пересекавшиеся под прямым углом тенистые аллеи. В центре сада жители Та Кемет имели обыкновение помещать бассейн для купания или просто пруд, где жили водоплавающие птицы. Часто можно было заметить на берегу изящную беседку с легкой деревянной мебелью. Наверное, хозяева устраивали там утренние трапезы.

Сквозь просветы деревьев то и дело проглядывали разноцветные деревянные колонны, открывавшие вход в жилища. Колонны повторяли стебли папируса и поддерживали карниз, на котором помещались имена и изображения членов семьи. Кое-кто возводил перед своей обителью террасы, увитые виноградом. В глубине дворов наличествовали элементы подсобного производства – амбары, сараи, мастерские, стойла для животных.

По ветвям часто лазили обезьяны. Мне кажется, они были ручными, потому что совершенно не боялись прохожих. В нескольких дворах я увидел собак и только в одном – кошку.

Улица выглядела пустынной, но постепенно, по мере моего продвижения к центру города, она начала наполняться людьми. Впрочем, прохожих все равно было немного, что меня, признаюсь, радовало. Не люблю толпу. К тому же при таких обстоятельствах легко рассматривать жителей.

В глаза сразу бросалось то, что в просвещенную эпоху богов женщины были куда менее закомплексованы, чем в мое отсталое время. Половина из них носила наряды, прикрывающие исключительно нижнюю часть тела. Это были плотно облегающие фигуру платья, начинающиеся под грудью¹². Верхнюю часть тела обычно украшали блестящие ожерелья-воротники и

¹⁰ Саманный кирпич – необожженный кирпич из ила, резаной соломы, золы и т. п.

¹¹ Эти непонятные для Ани устройства использовались для вентиляции помещений.

¹² Калазирисы – традиционное древнеегипетское платье, которое, начинаясь под грудью, спускалось до самых ног и поддерживалось на плечах особыми бриталями.

цепочки разноцветных бус. Мужчины носили либо пояса с полоской посередине, либо передники. Кстати, к украшениям они тоже были небезразличны.

Одеяния, как мужчин, так и женщин, по большей части шились из белоснежного холста. Нарушителей данного кодекса можно было пересчитать по пальцам. Первым из них стала женщина в нежно-голубом полусарафоне, а другим – юная красавица, облаченная в прозрачную ткань зеленого цвета. Она несла в руках огромный букет белых водяных лилий и казалась очень задумчивой. На голове у нее покоился венок из таких же цветов. Я невольно проводил ее озадаченным взглядом.

Женщины, попадавшиеся мне на пути, были в основном длинноволосыми. То есть имели право дарить наслаждения, насколько я понимаю. Лишь изредка удавалось заприметить короткие стрижки, такие, как у Табубы. Один раз рядом со мной прошла незнакомка, чья прическа состояла из множества тонких косичек, увитых золотистыми лентами. Я, конечно, понятия не имел, что это могло значить, если вообще что-то значило.

Среди мужчин оказалось немало тех, кто предпочитал нормальные классические стрижки. А я ведь полагал, что все древние египтяне завивают волосы, как это изображено на фресках. Здесь действительно водились подобные модники, но не сказал бы, чтобы их было большинство. Зато отдельные представители сильного пола носили длинные хвосты до плеч, прямо как индейцы.

«Хвала мудрому Тахути за то, что он придумал шадуф!» – услышал я чей-то возглас и обернулся. Передо мной предстало чудо древнеегипетской техники, напоминавшее по виду колодец-журавль. Этот «журавль» свободно вращался во всех направлениях, и с его помощью работник осуществлял поливку сада. Я невольно улыбнулся. Мне было приятно, что жители Черной Земли так почитают бога мудрости, писцом которого я стал с недавних пор. И еще я был доволен тем, что Тахути не забывает беспокоиться о простых людях. Придумал для них шадуф. Надо же!

Дорога внезапно пошла в гору¹³. Вскоре мне повстречался всадник на верблюде. Он вез два чана с пивом – это можно было определить по запаху. Позади бежал голый мальчонка с палкой в руке. Это был первый и пока единственный ребенок, на которого я наткнулся в Городе Солнца.

– Эй, малыш, – я решил, что в целях конспирации куда безопаснее завязать разговор с мальчиком, нежели со взрослым.

Маленький египтянин остановился.

– Знаешь, как называется эта улица?

– Конечно, знаю. Это Путь Царей, он ведет к дворцу Ра, – заученным тоном произнес он.

– А... – протянул я.

– Разве ты не знаешь? – иногда дети бывают не менее подозрительными, чем взрослые.

– Я приехал издалека.

– С Острова Слонов¹⁴? – а еще некоторые дети бывают чересчур любопытными. Я уже начал жалеть, что связался с этим постреленышем.

– Вроде того.

– Не похож ты на жителя тех мест.

– Много ты видел обитателей Острова Слонов!

– Одного видел.

– И, по-твоему, все, кто приехал с Острова Слонов, должны быть на одно лицо?

– Наверное, нет... – озадачился маленький собеседник.

– То-то, ну ладно, беги уж.

¹³ Как станет ясно из дальнейшего повествования, Ани поднимается на Изначальный Холм или холм Бен-Бен.

¹⁴ *Остров Слонов* – (Аб, египетск., Элефантина, греч.) – остров, расположенный у первых порогов Нила.

На том мы и распрощались, и я двинулся дальше.

Я вышел на площадь и едва не вскрикнул от неожиданности. Мне пришлось зажмуриться, потому что в глаза ударил ослепляющий свет. Заслонясь рукой, я осторожно приподнял веки.

Передо мной громоздился чертог бога солнца – уносящаяся к облакам махина из нежно-розового мрамора. Подле нее рос подпирающий небо остроконечной обелиск, на вершине которого что-то сияло. Это что-то, которое я, пролетая накануне над Оном, принял за фонарь, на самом деле походило на второе солнце.

На заднем плане, отделенная от дворца Ра зарослями пальм, высилась облицованная белым камнем пирамида размером с гору. «Ничего себе, старик запасся гробницей», – с уважением подумал я.

Я простоял на краю площади с полчаса. К слову сказать, я был вовсе не одинок в своем восхищении. Я замечал, что люди, точно так же как и я, замирают подле жилища бога солнца и, казалось, размышляют о чем-то. Наверно, о вечности. О чем еще размышлять рядом с престолом верховного божества?

Осмелев, я подкрался ближе. Золоченые ворота охраняли два воина со щитами и пиками. Их облачали сверкающие кольчуги, а на головах были полосатые красно-желтые клафты¹⁵. Вид у стражников был не слишком-то грозный, скорее торжественный. Я не знал можно ли подходить к воротам, возле них никого, кроме воинов Ра не было. Не желая испытывать судьбу, я пошел вдоль одной из стен. Так я добрался до пальмовой рощи, где прислонившись спиной к шершавому стволу, продолжил любоваться жилищем бога солнца из приятной тени.

Я чуть было не подскочил, когда из недр дворца донесся звук, напоминающий удар гонга. Услышав его, стражники у ворот расступились и повернулись лицом друг к другу. Я поспешил выйти из укрытия, чтобы получше видеть, что происходит на площади. Между тем ворота сами собой распахнулись, и из них выдвинулась процессия. Впереди маршировал отряд могучих воинов, одетых точно так, как и те, что охраняли вход во дворец. Однако вместо щитов и пик у них были мечи с золочеными рукоятками. Далее следовали несомые не менее чем десятком служителей золотые носилки, вокруг которых суеилось несколько человек с опахалами из страусовых перьев. Замыкала шествие группа в богатых разноцветных одеждах. Все, кто находился на площади, замерли на своих местах и преклонили головы. Я же, напротив, невольно вытянул шею, чтобы не пропустить ничего интересного.

«Неужели это сам Ра?» – я стал взвешивать вариант, не стоит ли залезть на пальму.

Кортеж начал удаляться. Мой взор буквально прилип к носилкам, которые представляли собой широкое кресло под балдахином с карнизом, их боковину украшала фигура сфинкса, а над спинкой возвышался алый диск солнца.

«Точно, Ра», – уверенно заключил я.

Увы, но разглядеть толком бога солнца мне не удалось. Процессия миновала площадь и исчезла за углом. Стражники развернулись, и ворота закрылись. Кажется, больше смотреть было не на что, и я решил отправиться обратно. Благо впечатлений, во всяком случае, для первого раза, я набрался достаточно.

Всю вторую половину дня я потратил на осматривание своего нового жилища, купание в бассейне и поедание фруктов. Вечером, после ужина, сопровождаемого, как и накануне, пением и плясками, ко мне явилась Табуба.

– Ты желаешь новых дарующих наслаждения или привести к тебе прежних? – ничуть не смущаясь, спросила она.

– Давай лучше прежних, – потупивших, промямлил я. Все-таки с Мевой и Альтеей я был уже немножко знаком.

¹⁵ Клафт – головной платок, прямоугольный кусок материи, закрывающий лоб и голову.

Глава V

На следующее утро я проснулся в прекраснейшем настроении. Едва я успел окунуться в бассейн, как меня пригласили на завтрак Тахути и Маат. За столом речь снова зашла о речном боге.

- Я, как ты знаешь, должен лететь к Хапи, – обратился ко мне Тахути.
- Он живет у первых порогов Синеи Реки, – пояснила Маат.
- Вот-вот, путь неблизкий, – кивнул ее супруг. – Так что до вечера меня не ждите.

Я с трудом сумел сдержать улыбку. Оказывается, боги порой ведут себя в точности как люди. Ясно же для чего Тахути завел этот разговор – чтобы оправдать свое долгое отсутствие. Я-то ведь был в курсе, что в пещере речного бога намечается пирушка.

- Но прежде чем улечу, я хотел бы тебе кое-что показать, – заинтриговал меня Тахути.

Наскоро покончив с завтраком, мы вдвоем вышли из трапезной и, миновав несколько залов, оказались в просторной комнате с аквариумными окнами, которые выходили в сад с бассейном. Никакой мебели в комнате не было, лишь посередине стоял серый каменный куб, а подле него помещалась на полу квадратная плита, тоже из камня. На кубе лежала груда папирусных свитков и длинный деревянный пенал, из которого торчали тоненькие заостренные палочки.

- Это твой рабочий кабинет, Ани, – довольно улыбнувшись, произнес бог мудрости.
- А это что? – я указал рукой на камень.
- Как что? Твое рабочее место.
- Рабочее место?

– Именно так. Писец садится, скрестив ноги, на плиту перед каменным кубом, макает кисточку в чернила и начинает выводить на папирусе буквы.

– Верните меня обратно! Слышите? Немедленно верните меня обратно, – потребовал я. – Я лучше буду горбатиться в своей конторе, чем царапать палками по папирусу, сидя на камне.

– А на что, собственно, ты рассчитывал? – удивился Тахути. Удивление его было при-
творным.

«А, действительно, не компьютер же здесь передо мной должны были поставить, – раз-
досадовано подумал я. – Вот влип. Теперь мучайся тысячу лет или даже больше...»

Я беспомощно взглянул Тахути, но тот уже безудержно ржал. Я даже не нашел, что ему сказать. Продолжая давиться от смеха, бог мудрости повел рукой, в результате чего куб с плитой и письменными принадлежностями исчезли, а вместо них возник широкий стол с удобным креслом и, вы не поверите, компьютер!

Аппарат был весь из чистого золота, за исключением экрана, который, кажется, был сделан из горного хрусталя.

У меня, само собой, перехватило дыхание от такой метаморфозы.

- Он что, работает? – тыча пальцем в устройство, пролепетал я.

– Обижаешь, – Тахути щелкнул пальцем, и экран монитора засиял, явив на мое обозрение последнюю версию программы Windows. На древнеегипетском языке, заметьте! Представляю себе лицо Билла Гейтса, если б он это увидел...

Как только я подошел к столу, на экране возникло виртуальное изображение одной из певиц Тахути, которая пропела мне следующую песенку:

*Варит повар обед день и ночь,
В мыле прачечник на берегу,
Крестьянина хлещет дождь,
У письмоноса вся жизнь на бегу.*

*Лишь писцу торопиться незачем,
Пред листом он застыл ожидающе,
Не чета ты неграмотным неучам,
Да найдут тебя завтра знающим!*

– Я решил, что тебе будет привычнее работать за этим странным пузырем, чем за камнем с папирусами, – продолжил Тахути, после того как на мониторе вновь засияла заставка Windows.

– Ну, вы даете, Тахути. Ну, спасибо, – попытался я выразить свои чувства.

– Пустяки, – бог мудрости добродушно улыбнулся. – Кстати, это твое обращение на «вы»... – лицо моего собеседника стало серьезным. – Оно здесь не употребляется.

– Как же мне к вам обращаться?

– Можешь называть меня так: «О, Тахути, Дважды Великий, Повелитель Божественных Слов, Владыка Истины, Властелин Уна, Первородженный...»

– Постойте, мне бы записать... – перебил я.

– Ладно, зови, как хочешь, – уловил мою иронию Тахути. – Только не на «вы». У нас так даже к Ра не обращаются, хоть он и триединый.

– Как это?

– Он Хепри – на восходе, Ра – в полдень и Атум – на закате.

– Не понял.

– Да, увидишь еще.

– А что будет, если этот компьютер кто-нибудь найдет?

– Так ты не пускай сюда никого!

– Даже Табубу?

– Кроме Табубы.

– Признайся, Владыка Истины, ты ведь велел ей опекать меня?

Тахути пробурчал нечто себе под нос.

– Главное, не влюбись в нее, – неожиданно добавил он.

– Очень надо, – нахмурившись, бросил я, – тут и без нее девочек хватает.

– Вот и правильно, она-то ведь не человек.

– То есть? – поразился я. – Служители, они... не люди? Кто они?

– Тени¹⁶.

– Какие тени?

– Тени богов! Я уверен, скоро ты сможешь узнать о них подробнее.

– Приведения что ли?

– Сам ты приведение! – хмыкнул Тахути, после чего резко заторопился. – Мне пора к Хапи, – отрезал он и, разбежавшись, вылетел в окно.

«Выходит, Табуба – какая-то загадочная тень, – глядя ему вслед, размышлял я. – Помнишь, парень, она говорила, что служит богам уже сотню лет? Кто же она?»

Постояв в растерянности посреди комнаты, я пустился на поиски Табубы. Нашел я ее в одном из залов. Она сидела у окна, задумчиво уставившись вдаль.

– Ты что, грустишь? – я кашлянул, чтобы обозначить свое присутствие.

Девушка вздрогнула и обернулась.

¹⁶ К сожалению, исторические памятники оставили нам очень мало свидетельств об этих загадочных существах. Современная наука располагает лишь обрывочными сведениями, почерпнутыми из греческих выписок из утерянной царской книги Манефо и небольшого клочка знаменитого Туринского папируса.

– Вовсе нет. С чего ты взял? – ответила она и сделала над собой усилие, чтобы улыбнуться.

– Я, наверное, не вовремя, – пяťясь, промычал я.

– Перестань, Ани, – передо мной уже была прежняя, уверенная в себе Табуба. – Ты хотел меня о чем-то спросить?

– Нет... то есть да. Ты что сейчас делаешь?

– Смотрю в окно, – она улыбнулась, на этот раз искренне.

– Значит, ты не слишком занята?

– К чему ты клонишь? – заинтересовалась девушка-тень.

– Я решил прогуляться по городу. Не составишь мне компанию? А то ведь я почти ничего не знаю, могу и заблудиться.

– Даже если бы ты ненароком заплутал, любой встречный подсказал бы тебе дорогу во дворец Тахути, но я с удовольствием отправлюсь с тобой, Ани.

Сердце мое забилося от радости.

– На что бы ты предпочитаешь взглянуть? – взялась за дело Табуба, когда мы покинули резиденцию бога мудрости.

– Вчера я видел дворец Ра и даже самого Ра, полагаю, есть и другие любопытные места.

– Так ты был на Изначальном Холме!

– Изначальный Холм... Как же я сразу не догадался? Там еще сияло что-то яркое...

– Око Ра. Оно охраняет владыку Черной Земли. Если кто-то попытается пройти к богу солнца с дурными намерениями, то Око его испепелит.

– А что, были случаи?

Табуба неопределенно повела плечами. Видно, не очень ее это волновало.

– Может быть, нам побывать в Храме Солнца? – предложила моя спутница.

У меня не было ни малейшей причины ей возражать. Мы двинулись вдоль аллеи. Табуба по пути рассказывала мне, как называются окружающие нас растения. От ее прежней задумчивости не осталось и следа. Она то и дело смеялась, умиляясь оттого, что я не в состоянии запомнить особенно сложных названий. Откуда ж ей было знать, что я всего лишь третий день общаюсь на языке жителей Черной Земли, он же язык богов? «А вдруг она знает?» – неожиданно озадачился я.

Однако приставать к Табубе с вопросами о том, что ей известно обо мне и, главное, кто такая она сама, я так и не решился. «Надеюсь, рано или поздно подвернется удачный момент и можно будет ненароком выяснить», – мудро рассудил я.

Мы миновали парк, а затем Путь Царей, ведущий к дворцу Ра, и вышли на главную площадь Города Солнца. За прошедшие сутки там ровным счетом ничего не изменилось. Табуба повела меня тем же путем, каким накануне проследовали носилки Ра. По дороге я узнал, что помимо цели нашего путешествия существует еще восемь Великих Храмов: Храм Земли, Храм Неба, Храм Ветра, Храм Воды, Храм Любви, Храм Травы, Храм Темных Пределов и Храм Песка.

Направляясь к главному святилищу Города Солнца, я ожидал увидеть типичный древнеегипетский храм с пилонами, гипостильным залом, статуями и прочими необходимыми атрибутами. Но не тут-то было. Выяснилось, что белоснежная пирамида, возвышающаяся за дворцом Ра, это и есть Храм.

– Эта пирамида подобна той, что находится в Золотом Чертоге, расположенном в юго-восточной области неба, – Табуба повела рукой в сторону золотистого облака.

– Там тоже есть пирамида?

Девушка-тень кивнула.

– Конечно, сама я там не была, но мне рассказывал об этом Тахути.

«Мог и наврать», – мимоходом подумал я.

Ворота, открывающие вход в первое культовое сооружение на земле, располагались не у подножия, а у самой вершины пирамиды. Наверх вела каменная лестница, длиной в несколько километров.

– Здесь ровно 2421 ступенька и 141 пролет, – похвасталась Табуба.

– Боюсь, к полудню мы туда попадем, – тыча пальцем ввысь, пробормотал я. – Жаль, не взял свои крылья.

– Не обязательно иметь крылья, есть перевозчики, – указала вперед Табуба.

Только присутствие женщины, которая вела себя на удивление спокойно, остановило меня от того, чтобы броситься бежать. У подножия пирамиды разгуливали огромные мохнатые сфинксы. Живые!

– Сфинксы... – сделав все-таки один шаг назад, выдавил я.

– Сфинксы? – переспросила Табуба. – Это шепсесы¹⁷, они живут в Красной Пустыне и славятся своей потрясающей мудростью.

– Угу, особенно некоторые, – икнул я, вспомнив популярную историю о загадке сфинкса.

Шепсесы беззаботно грелись на солнышке, не обращая ни малейшего внимания на окружающих. Вид у них был скорее злобный, чем мудрый. Пока я высчитывал степень агрессивности крылатых полульвов, моя попутчица без тени страха направилась к одному из них.

– Эй, осторожно, вдруг он кусается, – нервно предупредил я.

– Шепсес не кусает, он убивает взглядом, – решив, что таким образом ей удалось меня успокоить, Табуба приблизилась к сфинксу и произнесла фразу на неизвестном мне гортанном языке. – У шепсесов своя речь, – объяснила она.

Шепсес-сфинкс что-то рыкнул и улегся перед Табубой. Проворно оседлав зверя, девушка подозвала одного из его собратьев и попросила, чтобы он взял в качестве пассажира меня.

Я неуклюже забрался на лохматую спину. Шепсесы – почти одновременно – взмахнули крыльями и понеслись к небесам. Чтобы не упасть, мне пришлось ухватиться за загривок летящего льва. «А если все же цапнет?» – с опаской размышлял я. Постепенно я освоился и даже успел полюбоваться открывающейся внизу картиной. «Табуба рядом со мной – вряд ли может случиться что-то ужасное», – резонно заключил я.

Шепсесы высадили нас на предпоследнем лестничном пролете. Наверное, там была конечная остановка. Остаток пути волей-неволей пришлось преодолевать пешком. Вход в храм открывал длинный портал, который поддерживали десять широких колонн. Никаких надписей или рисунков я не заметил, хотя, честно сказать, ожидал их увидеть. Единственным украшением святилища оказался крылатый солнечный диск, занимавший большую часть вершины пирамиды.

Я вознамерился спросить у Табубы, как в Храме Солнца принято молиться, но к своему изумлению обнаружил, что в языке жителей Черной Земли нет подходящего слова. Покопавших в сусеках своей головы, я пришел к выводу, что наиболее близким по значению будет словосочетание «воздавать хвалу».

– Табуба, а как следует воздавать хвалу богам?

– Странный ты. Их же здесь нет, – усмехнулась Табуба. – А впрочем... может быть, нам повезет, и мы встретим кого-нибудь. Тогда нужно просто поклониться в знак уважения.

Я призадумался и постепенно до меня начало доходить, что у жителей Города Солнца нет необходимости почитать божеств за глаза, ведь они имеют вполне реальную возможность выразить свой пиетет живому богу.

Пройдя меж колонн, мы очутились в недрах длинного коридора. Проход был узкий, а стены – неимоверно высокими. Их украшали гигантские фрески, которые трудно было разли-

¹⁷ Древнеегипетское название сфинкса.

чить в полумраке. Я оглянулся, чтобы пропустить Табубу, но моя спутница куда-то исчезла. «Табуба...» – чуть слышно позвал я. «Табууу... Табууу...» – ответило эхо.

Я посмотрел вдаль – там маячил свет. Он настойчиво лился мне навстречу, и я пошел прямо к нему. Просторный зал был полностью залит сиянием, которое струилось откуда-то с высоты. В центре зала высился монумент из трех фигур. Первой фигурой был ребенок, стоящий в ногах у взрослого человека, который в свою очередь стоял в ногах у умудренного жизнью старика. Вдоль стен замерли, выстроившись в ряды, десятки каменных истуканов, изображавших, как мне показалось, тех самых воинов, что стерегли дворец Ра.

В коридоре раздались чьи-то шаги.

– Пирамида – родник жизненной силы, – прозвенел за моей спиной знакомый голос. – Черпая из него, боги могут жить миллионы лет.

Однако я чувствовал себя не очень хорошо. У меня все настойчивее начинало стучать в висках.

– Слишком много силы опасно для человека, – увлекая меня, произнесла Табуба.

Пока я переводил дух, прислонившись к стене под изображением некоего воина с луком в руке, на шее у меня возник золотой амулет в виде креста с петлеобразным верхним концом¹⁸.

– Возьми, он помогает сохранить полученную силу, – сказала Табуба.

– Хотя бы табличку повесили для техники безопасности, – ощущая себя перезаряженной батареей, вымолвил я.

– Не знаю, о чем ты говоришь, – пожала плечами Табуба. – Может быть об этом, – она указала рукой в сторону.

Там находилась доска из гладко обработанного камня. «Хепри-Ра, жизнь для всякого рожденного, создал это при начале цикла, длиною в триста тысяч лет, он вечно дающий жизнь», – гласила высеченная на ней надпись.

Мы немного помолчали, поглазев на малопонятную (во всяком случае, для меня) вывеску. По дороге к выходу я осмелился начать выяснять давно мучивший меня вопрос.

– Насколько я понял, для тебя этот зал не слишком опасен?

Табуба согласно кивнула.

– Ты можешь объяснить мне, кто такие тени?

– Мы те, кто рождается из дыхания богов.

И тут вдруг меня осенило. Самая дурацкая мысль – самая верная. При знакомстве с Табубой я в шутку решил, что она – ангел. А ведь это, похоже, была не такая уж бесполезная версия. Неужели тени, это здешние ангелы? Конечно, а кто же еще? Кто как не ангелы всегда служили первыми помощниками богам?

Я уставился на Табубу так, словно видел ее впервые.

– Я понял, ты – ангел, – с грустью прошептал я.

– Ангел? Кто это?

– Такое прекрасное неземное создание.

– Спасибо, – она, кажется, заподозрила, что это комплимент. – Но почему ты так расстроен?

– Потому что ангелы недоступны для людей.

– Но я... – Табуба вынужденно прервалась, ибо рядом с нами ударила чья-то мощная поступь.

Я заметил высокого незнакомца, идущего к воротам храма. Он шел, опираясь на длинное заостренное копьё. У него было бесстрашное скуластое лицо, стойкий взгляд устремлялся куда-то вперед, поверх опускавшихся пред ним голов. Облик воина дополняли прочные сереб-

¹⁸ Табуба подарила Ани талисман «Анх», символ жизни, который можно увидеть в качестве атрибута почти у всех древнеегипетских богов.

ристые латы и обмотанная вокруг талии массивная стальная цепь. На плече у этого загадочного посетителя Храма Солнца сидела волшебная птица. Вообще-то это был сокол, но поскольку его оперение было серебряным, я смекнул, что сокол не простой.

– Харвер¹⁹! – благоговейно выдохнула Табуба.

Бог-воитель промаршировал мимо нас. Табуба скрестила руки на груди и почтительно преклонила голову. Я повторил ее движения. На мгновение Харвер повернулся в мою сторону, и глаза наши встретились. Мне показалось, что нечто несокрушимо зловещее поселилось внутри меня и за какую-то долю секунды изучило до последней косточки. Потом это ощущение исчезло. Когда я пришел в себя, Харвер уже исчез.

– Его не часто можно увидеть. Я знала, что нам сегодня повезет, – Табуба, по-моему, готова была запрыгать от восторга. – Харвер – затворник, живет в своей крепости в Бехдете²⁰. Появляется только когда Ра собирается путешествовать, он ведь его телохранитель.

«Подумаешь, – безмолвно взревновал я, – местный секс-символ!»

Диковинные наши перевозчики, как и множество их сородичей, зевая, прогуливались по каменным ступеням, ожидая пассажиров. Они доставили нас вниз на одном дыхании. Наверное, им слишком надоело слоняться по горячим камням.

На следующий день мы отправились с Табубой к дворцу Исет²¹. Наш путь лежал вдоль берега озера, в центре которого располагался покрытый зеленью остров.

– Туда можно попасть на лодке, – указывая на заросли джунглей, произнесла Табуба.

Подле небольшой деревянной пристани колыхалось на воде некоторое количество папирусных лодок. Мы забрались в одну из них и Табуба, подняв лежавший на дне шест, умелым движением оттолкнулась от берега.

– Может, лучше я, – мне стало неловко оттого, что сижу сиднем, а девушка гребет.

– Это не тяжело, – отказалась от помощи Табуба.

Мы довольно быстро преодолели пролив, отделяющий лодочный причал от острова. Там, где мы пристали к берегу, над водой возвышались два каменных обелиска, высотой метров в тридцать. Один из них был серебряный, а другой – золотой. К нему-то я и решил привязать наше судно, чтобы его не унесло течением.

– Ани, что ты делаешь? – всполошилась Табуба.

– Привязываю лодку.

– Это же магические обелиски! Они способствуют усилению страсти.

– Страсти?..

– Надеюсь, тебе известно, что Исет – богиня любви, – девушка-тень посмотрела на меня без особой надежды.

Перескочив через борт, она оказалась почти по колено в воде.

– А усилению мускул они не способствуют? – я сообразил, что придется затаскивать лодку на берег.

– Тебе не нужно трудиться, – невинным тоном ответила Табуба.

В следующую секунду ладонь этого ангелочка повелительно простерлась над лодкой, отчего та, отделившись от воды, двинулась по воздуху в сторону суши. Следует напомнить, что я в тот момент все еще находился внутри и, хотя чудом успел схватиться за края, все равно едва не упал. Табуба от души рассмеялась.

¹⁹ Харвер, *египетск.*, – более известен нам как Хор Старший или Хор Великий, мужественный защитник Ра. Не следует путать его с Хором Младшим – сыном Исида и Осириса, хотя сами египтяне их порой отождествляли.

²⁰ В данном случае Табуба имеет в виду Бехдет, расположенный в Дельте Нила, позднее – Самбехдет, современный Тель-эль-Баламун. Существовал и верхнеегипетский Бехдет (Эджбо, *египетск.*), сейчас это – город Эдфу. Культ Харвера, именуемого также Хором Бехдетским, был распространен в обоих городах.

²¹ Исет, *египетск.*, (Исида, *греч.*) – богиня магии и любви.

– Рад, что доставил тебе удовольствие, – рассерженно пробурчал я, когда летающая посуда, наконец, приземлилась. – Как ты это делаешь?

– Обыкновенная магия, – удовлетворила мое любопытство владельница таинственной силы.

– Ах, обыкновенная, – понимающая кивнул я. – А я-то думал, может, какая особенная.

Мы ступили на посыпанную светлым песком узкую тропинку, ведущую вглубь острова. Вокруг нас все благоухало. Берега украшали заросли белых и синих лотосов. Это сочетание белого, синего и зеленого не могло оставить равнодушным, наверное, никого, кто попадал на остров Исет, на Остров Любви, как именовали его жители Черной Земли.

– Вчера я видел девушку, несущую белый букет, а на голове у нее был венок из лотосов. Это что-нибудь означает? – спросил я.

– Это знаки любви, – отозвалась Тауба. – Девушка и ее возлюбленный впервые были вместе. В честь этого события юноша нарвал цветов, а девушка сплела два венка – себе и ему. Отныне они будут неразлучны.

– А! Это что-то вроде брачных колец.

– О чем ты говоришь, Ани?

– Да, ерунда, – я махнул рукой.

Не станешь же объяснять Таубе, что в моем времени молодожены не плетут венков, а идут в ЗАГС и ставят штамп в паспорте. Вот такая вот романтика. Тьфу!

Кроме лотосов на Острове Любви росли и другие растения, по большей части мне неизвестные.

– Тут произрастают таинственные волшебные травы, чьи секреты и названия ведомы лишь Исет, – проникновенно молвила Тауба.

– А вот это чеснок, – оживился я, заметив знакомое растение. – Он помогает от вампиров.

– Я не знаю, кто такие вампиры, но если ты имеешь в виду змей и паразитов, то ты прав, – сказала девушка.

– Именно! Змеи они и паразиты, – подтвердил я.

По мере того, как мы отдалялись от берега, травянистым растениям пришли на смену деревья. Вначале это были в основном цитрусовые, а затем сикоморы, сосны и кипарисы.

Неожиданно заросли кончились, и мы вошли в чудесный сад, засаженный нежно-алыми розами, жасмином и лилиями. В глубине этого сада высился белокаменный замок, обрамленный светло-серыми скалами. Дворец и сам казался продолжением одной из этих скал, так органично был он вписан в их изгибающийся орнамент.

– Тебе нравится? – залюбовавшись, я невольно вздрогнул, услышав голос моей спутницы.

– Да... – восхищенно протянул я.

– Я очень этому рада, – призналась Тауба. – По-моему, это самое прекрасное место в Городе Солнца. Иногда я прихожу сюда... – она нечаянно вздохнула.

– Ты бываешь здесь, когда на душе тоскливо, – догадался я.

– Пожалуй, – попыталась уклониться от прямого ответа девушка-тень.

– О чем же ты грустишь? – я продолжал настаивать на разъяснении, но Тауба пронзила меня таким странным глубоким взглядом, что мне невольно пришлось отвести глаза.

Когда я вновь отважился взглянуть на нее, она уже бежала по дорожке, ведущей к маленькому горному водопаду. Мне ничего не оставалось, как поспешить за ней. «Что за загадку таит твое сердце, Тауба? – недоумевал я. – А есть ли вообще у теней сердце? Конечно же, есть. Не может не быть...»

Тауба подставила под струи воды руки, я сделал то же самое. Ощущение было подобно тому, какое я испытал в бассейне Тахути. Вода несла успокоение, придавала силы, снимала усталость.

– Тут можно искупаться, – скинув юбочку, Тауба шагнула в водный поток.

Поскольку я продолжал топтаться с идиотским видом, она вопросительно посмотрела на меня.

– Почему ты не идешь, Ани? Здесь так приятно.

– Я? Сейчас... уже иду... – проронил я и принялся торопливо стаскивать одежду. Суэта привела к тому, что я в ней запутался и едва не свалился в воду.

Табуба наблюдала за всем с ухмылкой.

И вот мы рядом. Нагие, разделенные лишь потоками волшебной воды. Я невольно устремился к девушке, обнял за плечи, захотел что-то сказать, но тут вдруг на дорожке возникла пара женщин в белых балахонах.

Я отпрянул, словно меня ударило электричеством.

– Слушай, люди же ходят, – стараясь спрятаться за торчащий из скалы валун, прошептал я. Как будто я раньше не мог этого предположить!

– Это – не люди, тени, – идентифицировала Табуба незнакомок.

– Да какая разница!

– А что такого? Сюда может каждый прийти, – растерялась девушка.

– Ну, мы тут, понимаешь..., а они... – пояснил я свою мысль.

Табуба только головой покачала не в силах, видимо, понять мои причуды. Служительницы между тем принялись собирать лепестки роз. Они укладывали их в плетеные сумочки, что несли с собой.

– Знаешь, мне уже надоело купаться, – я вылез из воды и быстро оделся, даже не просохнув.

А вот Табуба предпочла сначала высохнуть. Она улеглась на мягкую подстилку из травы и подставила себя солнцу. Глаза ее томно закрылись. Я присел рядом. Не скажу, чтобы я любовался ее телом, я, скорее, пытался понять, изучая его, чего следует ожидать от девушки-тени. На первый взгляд, в ней не было ничего сверхчеловеческого. Но смогла же она поднять в воздух лодку!

На обратном пути мы нарвали апельсинов и с аппетитом их уплетали всю дорогу домой. К моему большому сожалению, едва мы переступили порог дворца Тахути, Табуба тут же исчезла, сославшись на какие-то дела.

До вечера она так и не появилась. Потом вместе с другими служительницами доставила мне ужин и снова скрылась, растворившись в бесчисленных хитросплетениях залов и коридоров огромного замка. Мне пришла в голову мысль, что, может быть, у нее есть путеводитель по дворцу Тахути. «Надо будет спросить, – решил я про себя. – А то ведь я даже не знаю, где кто живет. Еще забредешь ненароком в спальню к богине... И самое главное, я до сих пор не знаю, где комната Табубы».

Насытившись, я ушел в свою комнату и уселся у окна. Я просидел там очень долго, размышляя о себе, о своих новых знакомых – богах и тенях, и, конечно же, о Табубе. «Главное, не влюбись в нее», – предостерегал Тахути. Неужели накаркал? Струи воды несущиеся на нас, ее обнаженное тело, ее нежный запах, тепло ее рук – все эти переживания, оставшиеся от посещения Острова Любви, не покидали меня. «Ведь не случайно она меня туда привела, ей хотелось, чтобы мы там очутились», – с надеждой подумал я.

Дарующих наслаждения я в эту ночь так и не пригласил.

* * *

Тот, кто будет зачитывать слова этого сочинения, должен умастить себя оливковым маслом и густой мазью, в обеих руках он должен держать искупительные подношения из воскуряющегося фимиама, за его ушами

должен быть чистый натр, а на его губах должен быть сладко благоухающий бальзам, он должен быть одет в новую, двойную тунику, а его тело должно быть очищено водой разлившегося Нила, и на его ногах должна быть пара сандалий, сделанных из белой кожи, а на его языке должен быть начертан образ богини Маат.

Книга последнего дня года

Будь верен упоенью своему!

Глава I

Когда по воле всемогущественного бога мудрости я оказался в стране, именуемой Черной Землей, заканчивался сезон Шому – пора лета и урожая, а вместе с ним подходил к концу и весь год. Для непосвященных скажу, что Новый Год в Древнем Египте наступает не зимой, как у нас, а летом. Он начинается с разлива Нила, когда величественная звезда Сопдет²² появляется на востоке перед самым восходом солнца. Ее видно лишь миг, но обитателям Та Кемет этого краткого мгновения достаточно, чтобы понять, что дарительница жизни, Синяя Река, вот-вот оросит изнывающие от засухи прибрежные поля.

Пока же в Городе Солнца стояла страшная жара. Такая, что даже на улицу выходить не хотелось. Большую часть времени я проводил в бассейне, иногда вылезая из него, чтобы поесть или поприставать к Тахути с вопросами.

– Зачем, скажи на милость, нужно было строить Город Солнца в пустыне? Возвели бы его где-нибудь на среднерусской возвышенности, – однажды спросил я, вконец испепеленный не устающим светилом.

– Он стоит в Центре Мира и не может находиться ни в каком другом месте. Ясно тебе?

– Нет.

– Ну и Сетх²³ с тобой!.. И потом, в других местах, знаешь ли, другие боги.

– Как? – опешил я.

– Там, – бог мудрости махнул рукой в сторону, – в той части света, которую вы называете Америкой, живут очень странные боги. По-моему, они все немного чокнутые. А вот на севере, это совсем другое дело. Там один парень есть, Один. У него такие девчонки!

– Валькирии?

– Ага! Везет же некоторым. Он мне даже одну в подарок прислал.

– Альтею, – сообразил я.

– Надо будет слетать как-нибудь... по обмену опытом, – Тахути мечтательно вздохнул.

– Но откуда они взялись, эти другие боги?

– А бог их знает...

Прошло около двух недель с тех пор, как я поселился во дворце бога мудрости, но новая жизнь едва ли не каждый день озадачивала меня все новыми и новыми открытиями.

В какой-то момент я вдруг заметил, что обстановка во дворце моего работодателя начинает напоминать панику. Все носились вокруг как угорелые и явно к чему-то готовились.

– Приближается время больших торжеств, – охотно просветил меня Дважды Великий. – Первое среди них – день рождения Усира²⁴, потом – Харвера, затем будет день рождения Сетха, – при упоминании о коварном зловредном боге пустынь Тахути невольно скривился, – следом – дни рождения Исет и Небетхет²⁵. А закончится все это праздником разлива Синей Реки.

²² *Сопдет, египетск.* – Сириус.

²³ *Сетх, египетск.* – бог пустыни, олицетворение злого начала, ассоциировался с войной, засухой и другими бедствиями.

²⁴ *Усир, египетск.* (Осирис, греч.) – бог производительных сил природы (плодородия).

²⁵ *Небетхет, египетск.* (Нефтида, греч.) – мы вынуждены отметить, что в сохранившихся древнеегипетских текстах сущность этой странной богини почти не раскрыта.

– А! То есть это те самые пять дней, которые ты, Тахути, выиграл у Луны в шашки, чтобы Нут родила детей, иметь которых ей запрещал Ра, ревновавший к Гебу²⁶, – просиял я.

– Ну, тут дело обстояло слегка иначе, – бог мудрости подозрительно покосился на дверь, после чего придвинулся ко мне поближе. – Дней-то в году с самого начала было столько же, сколько и сейчас.

Я весь превратился в слух, полагая, что через несколько мгновений мне доведется узнать некие пикантные подробности из жизни богов. Предчувствия меня не обманули.

– Во-первых, в шашки у нас пока никто не играет. Я их еще не изобрел, – продолжил Тахути. – У нас обычно играют в сенет²⁷. Впрочем, играл я все равно не в него, а в карты, которые сам же и нарисовал для этого²⁸, – бог мудрости ехидно ухмыльнулся. – И, конечно же, не с Луной я играл, а с богиней Нут.

– А я где-то читал, что эта магическая колода была созданы для того, чтобы зашифровать в ней тайные знания.

– Может и так, – Тахути загадочно сощурился. – Одно другому не мешает.

– А что было дальше? И почему, мудрейший, ты играл не с Луной, а с Нут?

– Как, по-твоему, я мог играть с Луной? Это же планета!

– Ну, я думал, речь идет о каком-то лунном боге.

– Лунный бог – это я и есть, – напомнил Тахути.

– Ах, чтоб меня! – я стукнул себя кулаком по голове.

– Короче, ты будешь слушать или нет?

– Весь – внимание, – заверил я.

– Должен тебе сказать, Ани, – вполголоса прошептал Тахути, – что богиня Нут в молодости была страшной недотрогой, и бедняге Гебу, за которого ее по воле Ра чуть ли ни силой выдали замуж, никак не удавалось исполнить супружеский долг. Представляешь его мучения? – Повелитель Божественных Слов радостно захихикал. – Смех смехом, но дело дошло до рукоприкладства и Шу²⁹ даже пришлось забрать Нут на небо, чтобы, не дай бог, не случилось страшного, – посерьезнел Владыка Истины. – Тогда Геб припнулся к Ра и стал жаловаться. Ра, естественно, обратился ко мне. Тут-то мне и пришла в голову идея с картами. Гениально, правда?

Я из вежливости кивнул.

– Ну, в общем, я прилетел к Нут на облако. Посидели, попили чайку, – продолжил Тахути, – а потом я выложил перед ней свои знаменитые карта и предложил в них сыграть. Как и всякую женщину, Нут подвело любопытство. Ее необыкновенно заинтересовала моя новая забава. При этом какая же богиня не считает, что она умнее других? Она проиграла мне пять раз подряд. На кону же, как ты, надеюсь, догадываешься, стояли ночи любви с богиней, а вовсе не какие-то там лишние дни года. Вообще-то, Геб умолял меня хотя бы об одной единственной ночи, а за две и вовсе обещал быть всю жизнь обязанным, но я так вошел во вкус, что выиграл немножечко больше. Потом эти три лишние ночи мы поделили со стариной Ра, который на Нут, как ты и сам знаешь, давно уже заглядывался. Из уважения к его сединам, я отдал ему целых две ночи, а себе оставил всего одну. Но об этом до сих пор никому неизвестно.

– Никому? Слухи о том, что Исет – твоя незаконная дочка дошли аж до нашей эпохи, – усмехнулся я.

– Неужели? – всполошился Тахути.

²⁶ Геб, *египетск.* – бог земли, супруг Нут, в историческую эпоху изображался в виде человека со змеиной головой.

²⁷ Игра, скорее напоминающая нарды, чем шашки. Состязание происходило на 30-клеточной доске, где было два набора фишек, а ходы определялись бросанием костей.

²⁸ Предание гласит, что знаменитая колода Таро, прародительница современных игральных карт, была придумала древнеегипетским богом Тотом.

²⁹ Шу, *египетск.* – бог воздуха, который по приказу Ра отделил небо от земли, а затем вознес на небо свою дочь Нут.

– Но я об этом никому, – поклялся я.

– Что же касается остальных новорожденных, то Усир и Харвер были детьми Ра, а от Геба родились Сетх и Небетхет, – закончил Дважды Великий, после чего я отправился в свой кабинет, чтобы запечатлеть в иероглифах, ставшие мне известными исторические факты.

На следующий день бог мудрости появился ко мне и с важным видом произнес: «Ани! Настала пора предстать перед богом Ра, да живет он миллионы лет!» Я потрясенно воззрился на Тахути и так оробел, что даже не знал, что сказать. Шутка ли, сам бог Ра! «Смелей, парень, – физиономия мудрейшего из богов расплылась в покровительственной улыбке, – ты здесь уже пообтерся, так что самое время представить тебя богу солнца. Если все пройдет гладко, считай, что твой испытательный срок завершен».

Примерно через полчаса мы с Тахути нацепили на руки крылья и вылетели во дворец Ра. Всю дорогу я донимал Владыке Истины как да что, но этот хитрец только отнекивался, говоря, мол, сам все увидишь, когда попадешь во дворец.

Для начала мы миновали несколько залов, которые выглядели совершенно пустыми. Лишь одно помещение показалось мне обитаемым. Оттуда доносились женские голоса и смех, но дверь была наглухо закрыта. «Гарем», – на ходу бросил Тахути.

Наконец, мы вошли в покои самого Ра. Я уже мысленно представлял себе, как перед моим смущенным взором предстанет могучий и величественный властелин солнца, которому нет равных даже среди богов. Единственное в чем я сомневался, это сразу мне падать на колени или нет.

Затрудняюсь описать мои впечатления, когда я увидел абсолютно голого ребенка с традиционным витым чубчиком на бритой головке. Он сидел на троне, выполненном в форме цветка лотоса, и сосал палец. В другой руке у него была погремушка. В первые мгновения я по наивности решил, что вероятно кто-то из детей прислуги в отсутствие хозяина забрался на трон.

– Приветствую тебя, владыка солнца, – зычный голос Тахути ввел меня в полное замешательство. – Да живешь ты миллионы лет! – он даже слегка склонил голову, говоря эти слова.

Владыка солнца на мгновение перестал сосать палец.

– Великий Хепри, позволь представить тебе моего писца. Его имя Ани, – продолжил Тахути.

Тут уж и я вынужден был поклониться голопузому сорванцу, который, не обращал на меня ни малейшего внимания. В моем сознании никак не могли сойтись концы с концами. Как это всемогущий Ра может быть ребенком? И потом, я ведь уже видел его один раз в облике вполне солидного мужчины. «Что если это был вовсе не Ра, а какой-нибудь его взрослый регент?» – растерянно подумал я.

– Писец – очень важная работа, – смешно надув щеки, пискнул вдруг карапуз. Я едва не рассмеялся, но бог мудрости толкнул меня в бок.

– Правитель Пта³⁰ обращается к тебе с нижайшей просьбой, – сообщил Тахути. – В его городе³¹ недостаток людей для строительства новых зданий.

– Не хочу больше плакать! – взвизгнул солнцеликий ребенок и попытался удрать, спрятавшись под трон.

Однако Тахути, изловчившись, схватил его за ножку, после чего, злобно ухмыльнувшись, отобрал погремушку. Малыш тут же пустился в рев, да в такой, что хоть уши затыкай. Из его желтоватых глаз катились огромные, прозрачные как хрусталь, слезы.

³⁰ *Пта (Птах), египетск.* – в додинастический период считался местным мемфисским божеством земли и плодородия. Позднее, после объединения во времена I династии Верхнего и Нижнего Египта под крылом Мемфиса, сложится мемфисская космогония, где Пта будет выступать в роли главного демиурга.

³¹ *Город Пта* – это Мемфис, древнеегипетский Хет-Ка-Пта.

– Тахути, стоит ли так измываться над младенцем? – робко вступился я за бога солнца. – Он, когда вырастет, может тебе это припомнить.

– Когда он вырастет, поймет, что я был прав, – сурово отрезал Тахути. – А ты стой, где стоишь, не то раздавишь...

– Что раздавлю? – не понял я.

– Не что, а кого – людей.

– Людей?

– Под ноги посмотри!

Я опустил глаза и обнаружил, что слезы Ра не исчезают, испарившись на свету, а наоборот начинают расти, набухать, и из них вылупляются крохотные человеческие эмбрионы. Эти водянистые зародыши на глазах росли, и черты их все более и более напоминали человеческие. Не успел я и глазом моргнуть, как вокруг престола бога солнца собралась целая ватага ребятишек.

Я лицезрел все это, раскрыв рот, а у Тахути не было паузы, чтобы садануть меня по башке и привести в чувство. Он метался по залу, отлавливая юрких пострелят, то и дело пытавшихся разбежаться от него в разные стороны. К счастью, сотворенные Хепри-Ра люди росли неправдоподобно быстро. Понадобилось всего около четверти часа, чтобы они превратились во вполне зрелых юношей и девушек. Причем и тех и других было примерно поровну.

Неожиданно я заметил, что и сам бог солнца не в шутку повзрослел. И еще я откопал в памяти одну очень важную вещь. По легенде именно из слез Ра родились люди.

Тахути между тем даром времени не терял. Он построил вновь созданных богом Ра людей против себя и, пристального оглядев каждого из них, начал давать имена. Причем каждому он давал два имени – обыденное и тайное или истинное. Последнее он шептал на ушко. Это второе имя называлось у жителей Черной Земли «рен» и считалось одной из сущностей его обладателя. Знающий чье-либо тайное имя, приобретал над ним магическую власть. И это касалось не только людей и теней, но и самих богов. Вспомним хотя бы знаменитую историю о Ра и Исет.

– Однажды Ра и Сетх в очередной раз повздорили. Обозлившись, Сетх подослал к богу солнца волшебную змею, – поведал мне как-то за ужином Тахути. – Змея ловко пробралась во дворец, поскольку Сетх с помощью заклятья сделал ее невидимой, и ужалила Ра. Ра закричал так громко, что его голос достиг до неба и привлек даже тех богов, что жили там. «Что случилось?» – воскликнули боги, слетевшись во дворец правителя. Но у великого и всемогущего Ра не нашлось сил, чтобы ответить – так он страдал. Челюсти его тряслись, губы дрожали, а яд заливал все его тело, подобно тому, как Синяя Река заливает землю. Преодолевая боль, Ра все-таки произнес: «О, боги, созданные из моего тела и вышедшие из меня, я расскажу вам, что случилось со мной. Меня пронзило нечто болезненное, и мое сердце знает, что это, но глаза не видят этого, а рука не в силах схватить. Никогда я не испытывал боли, подобной этой, и нет боли сильнее ее!» Боги, надо сказать, изрядно растерялись, и никто не мог понять, что же случилось с Ра.

– А как же ты, Тахути? – удивился я.

– Меня тогда в Городе Солнца не было. Я отлучился по делам в Ун. Конечно же, окажись я рядом, я бы мигом вылечил беднягу Ра, – хмыкнул бог мудрости. – По счастью, Исет оставалась в столице. «Отец мой божественный, не змей ли ужалил тебя? – придя во дворец правителя, спросила она. – Не один ли из твоих детей поднял на тебя руку? Воистину он будет повержен моими чарами, я заставлю его отступить!» Ра, не в силах уже изъясняться, молча кивнул, подтверждая версию догадливой богини. «Я излечу тебя, повелитель солнца, – продолжила Исет, – но для этого ты должен сообщить мне свое тайное имя, ибо все, даже люди, живут, когда их имена произносятся другими». «Знай же, что я – создатель неба и земли, сотворивший горы и все находящееся на ней, я – начавший ход времени. Я – Хепри утром, Ра – в полдень и Атум – вечером», – прошептал прародитель богов.

– Однако это ему не помогло, – хитро сощурившись, заявил Тахути. – Яд не выходил и Ра не чувствовал себя лучше. Его жизнь висела на волоске, а он решил обмануть Исет и не сообщил ей своего тайного, сокровенного имени, в котором заключалось его могущество. В такие моменты могуществом можно бы и поступиться. Но не зря же Исет обучалась у меня столько лет магии! – Бог мудрости гордо надул щеки. – Разумеется, она прекрасно все поняла. «Не было твоего имени в том, что ты мне говорил, – провозгласила она, обращаясь к Ра. – Скажи мне его и выйдет яд из тебя, а иначе – умрешь!» Яд жег Ра все нестерпимее и больнее, и его пламя, казалось, было сильнее, чем пламя солнца. Старик понял, что у него нет другого выхода, кроме как открыть Исет свое тайное имя. Бог солнца приказал всем остальным богам убираться восвояси и, запершись с богиней наедине, открыл ей свое сокровенное имя. Замечу, он не произнес его устами, а передал Исет из сердца в сердце. Что, по моему мнению, абсолютно правильно, поскольку и у стен, как известно, бывают уши. А так тайного имени Ра до сих пор никто не знает, кроме Исет.

Я согласно покачал головой.

– Так вот... как только бог солнца выдал врачевательнице свое имя, та снова взялась за дело: «Вытекай, злой яд, выходи из Ра! Я – Исет! Я творю, я заставляю яд упасть на землю, ибо он побежден!» В общем, через пару минут Ра был исцелен. Все как рукой сняло. А Исет, узнав сокровенное имя бога солнца, обрела с тех пор великую силу и может исцелять любые болезни, – завершил свое повествование Владыка Истины.

Пока я вспоминал эту занимательную историю, которая уже стала одной из глав Книги Бога, Тахути успел раздать имена всем присутствующим. Впрочем, этим дело не кончилось.

– Здесь начинается жизнь, которую каждому из вас надлежит прожить во благо великого и всемогущего бога Ра, – гулким эхом разнесся голос Тахути. – Дети солнца, слушайте заповеди, которые вы не должны нарушать:

- не чините зла!
- не крадите!
- не завидуйте!
- не лицемерьте!
- не лгите!
- не угрожайте!
- не оскорбляйте!
- не поднимайте руку на слабого...

Таких заповедей у Тахути набралось больше сорока. Запомнить их все я не смог, а записать постеснялся. Кстати, помимо вышеперечисленных, там было еще несколько, на мой взгляд, очень полезных: «не ворчите!», «не шумите!», «не болтайте попусту!». Но были и довольно странные наставления, например: «не съедайте свое сердце!³²» или «не ловите рыбу наживку из той же рыбы!³³».

Когда напутственные слова бога мудрости иссякли, явились служители и принесли для людей одежду, ибо до той поры они маячили пред нами в чем мать родила... если, конечно, так можно выразиться. Доставили царский наряд и для самого бога солнца, который уже приобрел вид того величавого мужа, которого я имел честь лицезреть во время проноса по площади на носилках.

– Да живет бог Ра, ликующий на небосклоне! – воскликнул первый из сотворенных.

Ему вторила новоявленная сестричка.

– Да живет он во веки веков, Хепри-Ра-Атум, живой и великий, владыка всего, что оберегает диск солнца!

³² Идиоматическое выражение, которое означает «не гневайтесь».

³³ «Не рой другому яму».

– Ра, ты достигаешь пределов. Когда ты пред людьми – все в движении, – подхватил третий стоящий. – Ты засыпаешь – и земля во мраке, наподобие застигнутого смертью.

И снова, и снова слышались слова восхваления Ра.

– Ты разгоняешь мрак, и, ликуя, поднимаются люди на ноги. Ты разбудил их – они омы-
вают тела и берут одежду свою.

– Руки их подняты к тебе – они прославляют тебя и трудятся они, выполняя работы.

– Скот радуется на лугах, деревья и травы зеленеют, птицы вылетают из гнезд, крылья
их славят тебя.

– Все животные прыгают на ногах своих, все крылатое летает на крыльях своих, все ожи-
вают, когда озаряешь ты их сиянием.

– Рыбы в реке резвятся пред ликом твоим, ты проникаешь вглубь моря, ты созидашь
жемчужину в раковине.

– О, сколь многочисленно творимое тобою и скрытое от мира людей, бог величайший,
нет подобного тебе!

Я так заслушался всеми этими дифирамбами, что не заметил, как Тахути отчаянно машет
мне от двери крыльями.

– Полно нам тут околачиваться, – бросил он. – Мы свое дело сделали.

Чтобы не таскаться по залам, мы вылетели на улицу через окно.

– Вот выходит, как у вас дети рождаются, – поделился я изумлением, подлетев ближе к
Тахути.

– Люди рождаются и сами по себе, естественным способом, – утешил меня бог мудро-
сти. – Но пока еще их очень мало и приходится заполнять пробелы.

– Правильно я делал, что не верил, будто человечество произошло от обезьян.

– От обезьян! – Тахути едва не ушел в штопор. – Это кто же такое измыслил?

– Дарвин.

– Демон?

– Да нет вроде, – пожал я плечами.

– Люди произошли от богов, чем, безусловно, должны гордиться, – высокопарно изрек
Тахути.

– А обезьяны?

– Обезьяны тоже... В конце концов, даже богам не все удастся с первого раза.

Пару минут мы летели молча, поскольку я переваривал информацию, полученную от бога
мудрости.

– Тахути, я не успел усвоить все твои заповеди, – признался я. – Не стоит ли тебе сокра-
тить их число, как ты думаешь?

– Сократить? – бог вскинул брови.

– Ну, примерно до десяти.

– Хм... как говорится, краткость – сестра мудрости... – начал размышлять Владыка
Истины.

– А у нас у писателей... то есть у писцов, говорят, что краткость – сестра публикации.

– Тоже неплохо сказано.

– Послушай, Тахути, а вот у меня ведь нет тайного имени, – обратился я к богу мудрости,
вспомнив, как он раздавал всем имена.

– Точно, нет, – подтвердил Дважды Великий.

– Как же мне быть? У всех есть, а у меня нет, – огорчился я. – Может быть, ты мне его
дашь? Как тем, во дворце Ра...

– Просто удивительно, как это некоторые не понимают своего собственного преимуще-
ства, – съехидничал Тахути. – Нет – и слава богу.

– Какое же здесь преимущество? – спросил я.

– По скромному моему разумению, когда человек чем-то отличается от других, это уже преимущество, – изъяснился бог мудрости. – А кроме того, если нет у тебя сокровенного имени, то никто и не получит над тобой тайной власти.

На этом наша дискуссия о тайных именах была завершена, потому что Тахути мощно взмахнул крыльями и унесся далеко вперед. Я немного почесал затылок и пустился вслед за ним.

Глава II

Наконец наступил первый из пяти дней, лежащих «за пределами года» – день рождения Усира. Едва лишь взошло солнце, как все, кто жил во дворце Тахути, нарядились в новые одежды, надушились ароматными маслами, а потом вдруг разом исчезли, словно по волшебству. Мне вообще-то не очень нравятся многолюдные сборища, поэтому я никуда особенно не собирался, но когда я совершал непривычно ранее плавание в бассейне (всеобщая суматоха разбудила меня ни свет ни заря), за мной зашла Табуба и пригласила отправиться в город. Выглядела она сногшибательно. Я даже не сразу ее узнал, подумав, что к Тахути прилетела какая-то богиня. На девушке было традиционное открывающее грудь платье из золоченой материи и сандалии из мягкой светлой кожи. Шею украшало кольцевое ожерелье из золотых пластин, в волосах сияла ослепительная диадема. По рукам висели тончайшей работы браслеты, а багряно-алые крылья горели, по-моему, самым настоящим пламенем.

– Табуба, ты потрясающе красива! – не в силах сдержать восторга, произнес я.

Девушка-тень снисходительно улыбнулась, после чего я и получил предложение, составить ей компанию.

Я тоже решил прибарахлиться, дабы не выделяться на фоне всеобщей пышности. Проведя экстренную ревизию своего гардероба, я обнаружил там длиннополое желто-зеленое одеяние. Его яркие цвета должны были, на мой взгляд, соответствовать атмосфере праздника. Не забыл я прихватить и подаренные Тахути крылья.

Мы выбрались на верхний ярус дворца и, оттолкнувшись от крыши, легко взмыли в воздух. Почти сразу же до наших ушей донеслись обрывки музыки, звуки трещоток и многоголосое пение. То, что открылось вскоре нашему взору, представляло собой грандиозное, величественное зрелище, стихийное и упорядоченное одновременно. Дорога Царей была похожа на переполненную реку, куда впадают многочисленные ручейки, льющиеся из прилегающих улиц и переулков. Поскольку весь поток неукротимо стремился к пристани, туда же полетели и мы с Табубой.

Широкий каменный причал был уже практически заполнен народом. Мы опустились у самой кромки воды, где еще было немного места, и стали ждать, что будет дальше.

Некоторое время ничего захватывающего не происходило, поэтому я бегло осмотрелся по сторонам и пришел к выводу, что меня окружают в основном люди, теней было очень мало. Возможно, большинство из них было занято во дворцах богов приготовлениями к предстоящим торжествам.

Проведя полмесяца в Та Кемет, я научился безошибочно распознавать теней, хотя внешне они ничем не отличались от людей. Это было нечто мимолетное, подобные ощущения обычно трудно описать словами. По-моему, именно так мы выделяем в толпе иностранцев, даже если у них такой же цвет кожи, как у нас, и они одеты, примерно как мы. В чем-то ином они все равно не те...

Я вынужден был отвлечься от своих мыслей, потому что неожиданно по толпе пронесся ропот, и взоры всех собравшихся обратились в сторону воды. Я заметил, как вдали появилась внушительная ладья, идущая под белоснежным парусом.

– Это судно плывет из Города Усира³⁴, – пояснила Табуба. – У каждого бога есть город, покровителем которого он является.

– У Тахути тоже есть личный город?

³⁴ Пер-Усир, египетск. (Бузирис, греч.) – Дом (Город) Усира, историческая локализация не ясна, возможно, находился в центре Дельты.

– Великий Лунный Город Ун³⁵.

Пока шел этот разговор, ладья успела продвинуться к берегу, где ее ждали с явным нетерпением. Народ начал расступаться, освобождая проход процессии, что спускалась к воде. Во главе ее шла та, в которой невозможно было не узнать богиню.

– Исет? – замирая от торжественности момента, прошептал я.

– Да, – подтвердила Табуба.

В следующее мгновение я понял, почему древние изображали небожителей без одежд. Да потому что они так ходили! Богиня любви была обнаженной. Единственной частью туалета несравненной Исет был диковинный головной убор в виде желто-зеленого коршуна. Казалось, он принял голову Исет за кусочек неба, ведь у богини любви были синие волосы.

Льющаяся отовсюду музыка приобрела характер ясной мелодии, разноголосый хор слился в единый ритм и зазвучал гимн.

*Пробудись, пробудись, пробудись,
Пробудись, о Владычица Мира,
Встань из света, восстань в красоте,
О возлюбленная Усира.*

*Ты прекраснее всех на земле,
Ты дочь неба, что тайны все знает,
Все хвалы тебе, все хвалы,
Обожжаем тебя, обожжаем.*

Ладья Усира причалила, и под возгласы ликования бог сошел на берег. Он был одет в весьма элегантный хитон из тончайшей зеленой материи. Однако спереди торчал неприлично массивный золотой бант. «Усир! Анх уджа сенеб!» – завопила толпа, что в переводе на мой прежний язык означало: «Усир! Да живет он, да здравствует и да благоденствует!» Именинник поднял высоко верх правую руку. Поскольку мы с Табубой стояли совсем рядом, при первом взгляде на него я едва не вздрогнул. У меня вдруг возникло ощущение, что где-то я уже видел этого высокого зеленоглазого красавца. Я тряхнул головой, отгоняя подобные мысли. Разве мог я когда-либо прежде встречаться с богом? Конечно же, нет! Я подумал, что у Усира, наверное, просто такая располагающая внешность, что кажется, будто давно с ним знаком.

Божественные супруги остановились друг против друга в центре пристани.

– Хвала тебе, о Усир, повелитель благоденствия, – произнесла Исет. – Благодаря тебе мир расцветает пышной зеленью и ликует. Сила твоя огромна и не знает границ.

– Приветствую тебя, чья суть в любви и таинстве, – отвечивал Усир. – Лик твой прекрасен, тело твое – из блистающего металла, голова твоя – как небесная лазурь, и вокруг тебя – бирюзовое сияние.

Исет встала чуть позади Усира, и оба подняли руки, отдавая дань уважения окружающим их почитателям, затем бог и богиня двинулись в сторону проспекта, ведущего к дворцу Ра. Служительницы Исет, облаченные в белые калазирисы, проворно забежали вперед шествия и принялись бросать перед идущими лепестки роз.

³⁵ Городов, в которых был особенно почитаем бог мудрости, в Древнем Египте было два – Гермополь Великий в Верхнем Египте и Гермополь Малый – в Нижнем. Однако Ани в своем повествовании меняет их местами. Гермополь Малый (Пер-Тахути) он называет Великим Лунным Городом Уном, а Гермополь Великий (Хемену) впоследствии превратит в Малый Лунный Город. Пока же, в период появления Ани в стране богов, Верхний Египет еще только осваивается, а потому и нет многих из его знаменитых городов, т. е. Хемену еще не существует. Следует отметить, что согласно исторической версии, все было в точности наоборот – сначала осваивался Верхний Египет, а затем – Нижний.

Глава III

Из состояния оцепенения меня вывел шорох крыльев. Табуба взмахнула ими, собираясь взлететь.

- Тахути ждет нас, – сообщила она.
- Но как ты об этом узнала? – изумился я.
- Властелин прислал мне зов.
- А что это тако... – договорить я не успел.

Меня схватили за руку, в ушах пронзительно свистнул ветер, и в сей же миг я оказался во дворце бога мудрости.

Вообще-то, я и раньше верил в телепортацию, но чтобы так вот...

- Это магия, Ани, – разрушила мою догадку девушка-тень.
- Ребята, есть возможность оторваться, – потирая руки, радостно произнес Тахути, совершенно не обратив внимания на мой ошарашенный вид и выпученные глаза. – Сегодня во дворце Ра будет пир в честь дня рождения Усира. Соберется масса богов, но и служителям вход не заказан. Мы с Маат решили взять вас с собой.
- Это честь для нас, – с поклоном ответила Табуба.
- Так значит, мы увидим всех великих богов? – начиная трепетать, уточнил я.
- Увидишь, увидишь, – повел крылом Тахути (он, как и мы, видимо только что откуда-то вернулся).

Приготовления были недолгими. Не прошло и четверти часа, как мы все вчетвером – Тахути, Маат, Табуба и я – уже парили над городом, держа курс на Изначальный Холм Бен-Бен.

Служители у входа в главный зал дворца Ра вышkolено опустили на одно колено и склонили головы перед Тахути и Маат. Ворота распахнулись, и я увидел воистину царственное по размерам помещение, стены которого были декорированы цветными изразцами и росписями. Сверкающие яркими красками, они изображали то густые нильские заросли с кружащими над ними птицами, то жеманящихся дам царского гарема, а то и самого Ра, гордо восседающего в золотой колеснице. В зал выходило множество дверей. Дверные проемы были обрамлены объемными голубыми иероглифами, прославляющими бога солнца. Пол был покрыт великолепной мозаикой, в центре которой пестрел пруд с цветущими лотосами и плавающими в воде рыбами. Вокруг водоема поднимались стебли высокого тростника, откуда с шумом выпархивали дикие утки, встревоженные шагами идущих. Если бы мне не доводилось лицезреть подобные изображения раньше, я бы неимоверно поразился, но как справедливо заметил бог мудрости, я уже пообтерся в Древнем Египте и спокойно любовался окружающими меня причудами.

Зал был полон гостей. У меня прямо-таки закружилась голова при виде многочисленных богов и богинь. Кое-кого из приглашенных я смог узнать самостоятельно, прежде чем мне рассказала о них Табуба. Таковыми были Хапи, который невозмутимо расхаживал по залу вместе со своей женой Нехбет, а также Харвер, стоящий у окна с мрачным видом.

– Ах, этот новый гимн в мою честь такая прелесть, – донесся до меня голос Нехбет, беседовавшей с какой-то богиней. – Правда, милый?

Она посмотрела на Хапи взглядом кобры, готовящейся к прыжку.

– Да, пупсик, – быстро выпалил тот.

– Верховные божества носят корону «Шути», – приблизившись ко мне, шепнула Табуба.

То, что она называла короной, представляло собой головной убор, состоящий из одного или двух высоких перьев небесно-голубого цвета. Впервые я наблюдал такое украшение на богине Маат, когда та встречала нас с Тахути после прибытия из моего времени. Из присутствующих в зале подобными регалиями обладали Шу, Тефнут, Геб и Нут. Бог ветра оказался абсолютно лысым, зато его божественная супруга Тефнут имела роскошные золотистые локоны,

свисавшие едва ли не до земли. Геб чем-то напоминал слегка глуповатого и крикливого гуся, того самого, что был вышит шелком на его богатом золотом переднике³⁶. Нут, хотя и была загадочно красива, но в целом производила впечатление некой озабоченной особы, потому что стоило Гебу ненароком кинуть на нее взор, он сразу услышал: «Хватит пялиться на мои ноги!»

По залу разнесся торжественный звук труб. Присутствующие мгновенно затихли. Двери, ведущие из покоев Ра, распахнулись, и моему взору открылась процессия, во главе которой двигались уже знакомые мне носилки, рядом с которыми шли улыбающиеся Усир и Исет. Последняя, кстати, ничуть свой туалет не изменила и по-прежнему представляла пред людьми, тенями и богами в чарующей до умопомрачения нагоде. «И как только Усир решается выпустить ее в таком виде на улицу, вот что удивительно», – мелькнуло у меня в голове.

Бог солнца величественно взошел на трон. Собравшиеся чинно поклонились.

– Я тот, кто воссуществовал как Хепри, – гулко возгласил Ра. – Не было еще ни неба, ни суши. Не сыскал я себе места, на которое я мог бы встать. Я размыслил их в своем сердце, задумал перед лицом своим. И создал все образы, будучи единым. И не было другого, кто творил со мною. Я соединился с моим кулаком, совокупился с моей рукой, упало семя в мой собственный рот. И я выплюнул Шу, изрыгнул Тефнут. И пролил я слезы. И возникли люди.

В ответ на эту речь пред Ра предстал бог мудрости.

– Привет тебе, Хепри-а-Атум, породивший сам себя, тот, кто воссиял на Холме Бен-Бен. Да живешь ты миллионы лет!

– Да живешь ты миллионы лет! – хором повторили все остальные.

Тут, откуда ни возьмись, появилась девушка в одеянии из синей кисеи и дюжина музыкантов, которых вела за собой богиня со странным золотым украшением на голове³⁷.

– Сейчас будет петь Раннаи, любимая певица бога Ра, – подсказала Табуба.

Как и следовало ожидать, в дальнейшем мне довелось выслушать очередной хвалебный гимн. На этот раз в честь бога солнца.

*Прославляем бога по имени:
Хепри, на небе ликующий,
Ра, нетленный во времени,
Атум, в сумраке торжествующий.*

*Озаряются люди радостью,
Когда утром ты пробуждаешься,
Ибо ты наполняешь благостью,
Всех, кто в мире твоём рождается.*

*О единственный, о совершенный,
Тот, который не умирает,
Ты есть царь богов коронованный,
Кто силен, кто от зла не страдает.*

Музыка смолкла, и в зале воцарилась вежливая тишина.

– Но сегодня же не мой праздник, что вы, ей богу, – с деланной скромностью произнес Ра. Раннаи учла вышестоящую критику и не замедлила пропеть маленькую песенку.

³⁶ Великий Гоготун, символ и священная птица Геба.

³⁷ Мерт, богиня музыки и покровительница торжественных гимнов, изображалась в виде танцующей женщины с иероглифом, символизирующим золото.

*О Усир, по твоим велениям
Пышной зеленью жизнь полна,
Расцветают поля в свое время
И ликуют могуществу Ра.*

Ра махнул рукой, встал с трона и изрек следующий спич: «Слава тебе, Усир! Пищу и яства получаем мы благодаря тебе. Растут растения по твоей воле, и родит тебе поле пшеницу. Боги и все, кто пришел сюда, пусть восхваляют тебя».

Поднялся обычный праздничный шум. Все наперебой поздравляли Усира. Поздравляли его, конечно, и мы с Табубой. После некоторой паузы почтенное собрание начало плавно перетекать в соседний зал, где был накрыт стол, казавшийся бесконечным.

На подносах аппетитно дымилось жаркое, тушеное мясо, гуси, которые, наверное, только что были сняты с вертелов. Повсюду стояли кувшины с вином, пивом и сладкими ликерами. Так же было множество всяких приправ, овощей, зелени, ну и, разумеется, фруктов и ягод.

Гости, не спеша, расселись в деревянные кресла, спинки которых были инкрустированы золотом и бирюзой. Подле пирующих тут же засуетились прелестницы-служительницы, одетые лишь в ожерелья и пояски. Они накладывали гостям пищу, раздавали цветы и благовония.

Я не выявил в рассадке приглашенных какой-либо иерархии. Если она и была, то являлась столь сложной, что я не сумел в ней разобраться. Ра сидел ближе к левому краю стола. Подле него расположились Тахути и Маат. Усир и Исет устроились почти что в центре. Харвер – вдалеке от всех. Другие боги, люди и тени распределились вперемежку.

Рядом со мной втиснулся худощавый седобородый старик в светлой мантии, который представился как «руководитель мастеров магии в Доме Жизни». Домами Жизни в Та Кемет именовались учреждения, которые, пожалуй, можно сравнить с современными научными академиями. В недрах их стен заседали мудрецы и ученые, хранились книги, а также шел процесс обучения неопитов необходимым для жизни познаниям, основой которых служило волшебство. Звали моего нового знакомого Ахтой. Он не производил впечатления большого любителя пирушек, поскольку был погружен в себя и мало обращал внимание на происходящее.

Куда более занимательной представлялась мне личность, сидящая напротив. Это была никто иная, как Небетхет, жена бога пустынь Сетха. По счастью, сам он на празднике не присутствовал, и все знали почему. Сетх, именуемый Страшным Ликом, с детства не любил своего брата, красавчика Усира. Небетхет была одета в вызывающе откровенное трико из черной лоснящейся кожи, запястья и грудь украшали необычные для Черной Земли ожерелья из платины. Ее волосы отдавали в тон крыла ворона, в ее глазах цвета прозрачного льда таилась дремлющая жестокость. Я хотел было узнать у Табубы, что ей известно о характере непреступной богини, но тут из-за стола поднялась Исет, и все смолкли.

– Знатный, могучий, прекрасный, сладостноликий Усир, молю я Ра с его восхода и до его заката, чтобы он ниспослал тебе благополучия, и я могла обнимать красоту твою. Две руки мои да будут ласкать тебя, – произнесла богиня любви.

– Хвала Усиру! Хвала Ун Неферу³⁸! – Геб высоко поднял кубок с вином.

Я заметил, как вскинула голову Небетхет, как взглянула в глаза имениннику, а тот лишь быстро кивнул и отвел взор. Все вокруг зашумели. Хвала и поздравления Усиру неслись со всех сторон. А я не переставал краем глаза следить за богиней в черном. «Постойте, так ведь каждый египтолог скажет, что она влюблена в Усира!» – вспомнилось мне.

В зале между тем заиграла музыка, а из-за колонн выбежали настоль диковинные существа, что от удивления я даже перестал есть. Это были два покрытых мохнатой рыжей шерстью кривоногих карлика с длинными хвостами и женщина-лилипут с непропорционально огром-

³⁸ Ун Нефер, египетск. – пребывающий в благодати, один из наиболее употребляемых титулов Усира.

ной головой. Лицо лилипутки скрывалось под маской, изображающей львицу. Что до ее приятелей, то они обладали такими рожами, что никакие маски им были и не нужны. Вся эта троица была голой, если не считать шутовской короны на голове у одного из карапузов. Кстати, другой малыш держал в руках два разукрашенных деревянных кинжала.

Я немедленно решил навести справки у Табубы. Выяснилось, что причудливых уродцев звали Аха и Хит, а их подружку – Бэсит³⁹. Они тоже считались божествами, причем очень любимыми в народе. Почет у народных масс малютки заслужили благодаря тому, что умели отгонять своими плясками всякую нечисть, а также змей, скорпионов и прочих гадов.

Корча гримасы и ужимки, местные клоуны с гамом понеслись по залу, чем немало развеселили публику. А еще они потешно прыгали и кувыркались. Даже погруженная в свою неразделенную печаль Небетхет, кажется, развеселилась, глядя них.

Но пришло время для очередного развлечения – на сцену пригласили борцов. Сразу же началось весьма захватывающее состязание. С виду это напоминало некую смесь греко-римской борьбы и восточных единоборств. Атлеты были обнаженными, так что теперь я точно убежден, что традиция участвовать в спортивных состязаниях голышом, родилась вовсе не в Греции, как утверждают историки.

– Ты за кого ты болеешь? – мне пришлось прокричать свой вопрос Табубе, потому что повсюду голосили сторонники состязающихся.

– Болею? Но я здорова, – девушка кинула на меня ошеломленный взгляд.

– Да нет, я имею в виду... ну, кого бы тебе хотелось увидеть победителем?

Табуба пожала плечами.

– Какая разница? Но вообще-то, я в силах угадать.

– Можешь угадать? – тут уж настала моя пора изумляться. – Но как?

– Этот боец сильнее, – она указала на одного из дерущихся.

– Да с чего ты взяла?

– Предчувствие.

– Предчувствие?

– Тени замечают предначертанное.

– Ну, а что там у меня предначертано?.. – пробормотал я, сраженный таким заявлением. Слова Табубы оказались неожиданными.

– Я знаю, что нравлюсь тебе, Ани. Но для этого не нужно быть тенью. У тебя все на лице написано.

Тут со всех сторон раздались ликующие возгласы, потому что схватка закончилась. Причем именно так, как предрекала Табуба.

Последующие события запечатлелись в моей памяти не слишком разборчиво, хоть я и не могу сказать, что много выпил. Кажется, мы что-то говорили друг другу, но слова не имели уже большого значения. Где-то совсем близко неприлично ржал Геб, сильно перебравший с напитками. «Ясно, почему его символ – Великий Гоготун», – подумалось мне. Но в конце концов и Геб, и весь остальной мир куда-то исчезли. Мы с Табубой шли, взявшись за руки, через пустые тихие залы, а потом отыскиали наши крылья и взлетели в багровую вечернюю высь.

– Куда мы летим? – спросил я Табубу, парившую передо мной.

Девушка-тень ничего мне не ответила.

³⁹ *Аха, Хит, Бэсит; египетск.* – по-нашему: «бесы», народные божества-карлики, не узаконенные официальной религией, охранители и защитники простого люда. Амулеты с их изображениями были чрезвычайно популярны у жителей Древнего Египта.

Глава IV

Когда мы добрались до Острова Любви, Городом Солнца уже правили сумерки. «Наверное, Ра сейчас превратился в дряхлого старика и брызгает на всех слюной. Вовремя мы оттуда смылись», – мимоходом отметил я.

Я думал, что опять окажусь у водопада, однако мы опустились вовсе не там, а в густых непроходимых зарослях. От волнения я почти перестал дышать и в конце концов едва не врезался лбом в золоченые ворота, которые невесть откуда встали на моем пути. Я задрал голову, но ровным счетом ничего не увидел, все утонуло во мраке. Пока я переминался с ноги на ногу, одна из створок медленно отворилась. Я почему-то не решался узнать, куда это мы пришли.

Мы вступили в основание зала, состоящего из огромных круглых колон с капителями в форме систров⁴⁰. Крышей галереи служило небо. Меж колон свободно гулял легкий ветер, приятно обдувавший наши лица. Табуба взяла меня за руку, словно младенца, и мы неторопливо двинулись вперед. Лицо девушки выглядело очень серьезным. Мне тоже было не до шуток – я до смерти боялся споткнуться.

Вдали замерцал огонь. Это были небольшие масляные лампы, освещавшие квадратную каменную площадку, над которой возвышалось изваяние богини любви, выплавленное из материала с виду напоминающего электрум⁴¹.

Когда Табуба подвела меня к статуе, я чуть было не ахнул. Площадку окружало кольцо папирусообразных колонн, меж которых замерли обнаженные девушки с цветками белого лотоса в руках. Заметив нас, девушки слаженно запели.

*Веселись, проводи день в веселии,
Умастись с утра ароматами,
Подружись с вином пряно-хмельным,
Пей, гуляй от зари до заката.*

*Урони цветы белого лотоса
На прекрасное тело возлюбленной,
Насладись ее тихим голосом,
Позабудь о жизненных трудностях.*

– Кто это? – чуть слышно прошептал я.

– Жрицы богини любви, – бесстрастно ответила Табуба.

– Зачем? – коротко спросил я.

– Семьдесят семь жриц любви стоят на страже от сумерек до зари, оберегая это место от сил зла.

Мы сели друг напротив друга.

– О, Исет, госпожа любви, пробудись, пробудись во мне... О, Исет, пробудись, возрадуйся... – принялась повторять Табуба. – Пробудись, вновь рожденная, светлым золотом воссиявшая... Женского сердца владычица, пробудись о, прекрасноликая...

Девушка-тень выкрикнула какое-то непонятное заклинание, и между нами вспыхнул огонь. Я едва не отпрянул, и только каменное спокойствие Табубы пресекло мою панику. Через какое-то время я сообразил, что костер волшебный, потому что он не жжется.

⁴⁰ По этому описанию можно понять, что Табуба привела Ани в Храм Любви, ведь систры являлись священными музыкальными инструментами богини Исеты.

⁴¹ Электрум – «серебристое золото», минерал класса самородных элементов.

Огонь постепенно затмевал все вокруг. Он окружил нас плотной непроглядной завесой, за которой скрылись все семьдесят семь служительниц любви. Огнем наливалась нависающая над нами статуя, превращаясь из серебристо-золотой в багрово-красную. Огонь сжег нашу одежду. Так что вскоре мы остались нагие и одинокие посреди бушующего океана магического пламени.

– Ты пытался выяснить, кто такие тени, Ани, – тихо произнесла Табуба. – Там, – она подняла голову к небу, которого не было видно, – простираются бескрайние звездные поля. Мы созданы богами. Наши тела состоят из звездной пыли, которая уплотнилась под их воздействием, создав форму. Все мы, и боги, и тени, пришли со звезд и в назначенный срок к ним вернемся, для того чтобы дать начало новому циклу.

– Не понимаю... – мотнув головой, прошептал я. – Все это сложно... не важно...

Она первой потянулась ко мне и прильнула кончиком своего носа к моему. Я уже знал, что так египтяне целуются (от дарующих наслаждения). Но я не стал идти на поводу у местной традиции, обнял девушку, притянул к себе и наши губы слились в долгом страстном поцелуе. И вместе с этим поцелуем все мысли, переполнявшие мой разум, улетучились. Наверное, они унеслись к тем самым звездам, о которых изъяснялась Табуба.

– Что это, Ани?.. – пролепетала моя возлюбленная.

– Я тебя поцеловал.

– Так не целуются.

– Целуются. Мне лучше знать... – я потянулся к ней.

Дальнейшее помню смутно. Как мы выбрались из храма, как на нас снова появилась одежда, как, наконец, очутились на берегу, ума не приложу.

Была уже глубокая ночь.

– Подожди, – шепнул я на ухо Табубе и исчез в темноте.

Добраться до воды оказалось не так-то легко. Порой мне приходилось продвигаться буквально на ощупь. Весь исцарапавшись, я все-таки достиг того места, куда стремился.

Я нарвал столько лотосов, сколько смог, а затем ступил в воду и прошел меж дарующих страстную силу столбов. «Ночь-то еще не закончилась», – подумал я.

– Вот, любимая, плети венки, – осыпал я девушку-тень цветами. – В знак того, что отныне мы будем вместе идти по жизни и никогда не расстанемся.

– Жизнь не всегда приводит нас туда, где нам хотелось бы очутиться, – возразила Табуба. Тем не менее, она живо взялась за плетение венков и, по-моему, делала это с большим удовольствием.

– Но ведь сегодня мы там, где нам хочется. Уверен, так будет и дальше, – самонадеянно заявил я. – Уж если начнет везти, везет до конца.

– Человек! Не спорь с тенью! – шутливым тоном упрекнула Табуба, после чего надела мне на голову белоснежный венок.

– Ну вот, не успели мы пожениться, а ты уже начинаешь верховодить, – я тоже возложил на нее венок.

– Но мы вовсе не поженились. С чего ты взял? – целуя меня (быстро она этому научилась) удивилась Табуба.

– Как? – оторопел я. – А я посчитал... Ты говорила про цветы...

– Ах, Ани, ты еще так много не знаешь, – усмехнулась девушка. – Чтобы пожениться, надо полететь к богине Сешат⁴². Она записывает имена влюбленных на листьях волшебного дерева Ишед, и тогда они становятся мужем и женой.

– Так махнем к ней. Где она живет?

⁴² *Сешат* (*Сешет*), *египетск.* – покровительница письменности и писцов, в ведении этой богини находилось священное Небесное Дерево – Дерево Ишед, на листьях которого она записывала все важные события.

– Сешат – дочь Тахути⁴³, она живет в Великом Лунном Городе.

– Надо же, а он мне и словом не обмолвился.

– Всему свое время, Ани. Это касается и визита к богине. Прежде чем прийти к Сешат, мужчина должен построить дом, в который приведет свою возлюбленную.

– Но я... не умею строить дома!

– А ты попробуй! – то ли в шутку, то ли всерьез сказала Табуба.

– Попробуй... ничего себе... – озадаченно проворчал я.

В замок Тахути мы вернулись, едва не опоздав к завтраку.

– А ты, парень, все-таки влюбился в эту смазливую девчонку, – догадался Тахути, увидев меня плавающим в бассейне с венком на голове. Произошло это спустя несколько часов после нашего возвращения.

– Ну, если честно, то да, – подплыв к берегу, ответил я. Попытаться обмануть бога мудрости было бы бесполезно. – А что здесь такого страшного, Тахути?

Мудрейший из богов покосился на меня, казалось бы, совершенно бесхитростным взглядом.

– Веселись, проводи день в веселии... – процитировал он слова местной песенки (я вздрогнул). – И не грезь о будущем, оно само тебя настигнет рано или поздно.

Он резко повернулся и торопливым шагом отправился прочь, оставив меня в полном недоумении гадать о дальнейшей судьбе.

Всю последующую неделю мы с Табубой были предоставлены самим себе. Повелитель Божественных Слов метался по бесконечным официальным приемам, связанным с чередой дней рождений богов и богинь. О нас он словно бы позабыл – никуда больше не приглашал и никакой работой тоже не обязывал. Он ведь все понимал, этот славный хитрюга Тахути.

Мы гуляли по тенистым паркам, уединяясь в их самых дальних уголках. Бродили по утопающим в сумерках улицах Города Солнца. Пили прохладную воду из придуманных Тахути шадуфов. И говорили...

Я изложил Табубе всю свою жизнь, но так ничего и не узнал о ней самой. Она все отнекивалась, объясняя, что с ней никогда не происходило ничего любопытного. Все же я хотел бы услышать этот рассказ, пусть бы это даже была самая нудная история на свете. Однако Табуба упорно молчала. В конце концов я перестал к ней приставать.

К счастью, с Владыкой Истины у меня никогда не было проблем в общении, и я осмелился ненавязчиво поинтересоваться, как построить дом.

– Ты что вознамерился создать семью? – заржал Тахути. – Стоило ли тебя ради этого вытаскивать из твоего грешного мира?... Впрочем, если тебе так этого хочется, – развел он руками. – Иди, твой дом уже готов.

– Как? – опешил я.

– Никогда не забывай, что имеешь дело с могущественным богом мудрости, – подняв вверх указательный палец, изрек Тахути. – Разущи Табубу, она покажет тебе ваше новое жилище.

Я бросился на поиски девушки-тени, забыв поблагодарить Тахути. Иногда я бываю настоящей свиньей, честное слово.

– Табуба! – я чуть не сбил с ног свою возлюбленную, которая шла по коридору.

– Тахути рассказал тебе про наш дом, – смерив меня понимающим взором, догадалась она.

Не в силах ничего добавить, я кивнул. Мы вышли из дворца, миновали пальмовую аллею и вступили на Пути Царей, где и было выстроено наше уютное любовное гнездышко.

⁴³ Существует несколько мифологических версий, касающихся родства Тахути и Сешат. По одной из них она была его женой, по другой – дочерью, а по третьей – сестрой.

С первого взгляда дом мне очень понравился. Он оказался двухэтажным, стены были выкрашены в нежный светло-зеленый цвет. Его окружал густой тенистый сад с несколькими беседками и бассейном. В общем, у нас так живут менеджеры «Газпрома».

Внутри все выглядело не менее чудесно. Особое впечатление произвела на меня ванная, где можно было плавать, как в пруду.

Почти в каждой комнате стояли баночки с ароматическими маслами, запахи которых будоражили воображение и призывали немедленно заняться чем-то совершенно отличным от осмотра дома.

– Милая, ты уже была в спальне? Давай-ка, узнаем, что там у нас, – невинным тоном предложил я Табубе.

Глава V

В нашем прекрасном зеленом домике мы прожили душа в душу два месяца. За это время, следуя за своей опытной наставницей, я успел обойти вдоль и поперек весь Город Солнца. Первым делом я, разумеется, решил посетить те из Великих Храмов, в которых еще не бывал.

Табуба посоветовала мне начать с Храма Травы, посвященного Усиру. Наконец-то мне удалось увидеть сооружение, которое соответствовало моим представлениям о древнеегипетском храме. Единственное его отличие от традиционных построек заключалось в том, что он был выложен не из светлого, а из темного камня. Это был какой-то странный гранит с зелеными вкраплениями.

Храм возвышался у реки. Многочисленные корабли и лодки, устремлявшиеся в Он со всех концов Черной Земли, подплывали к святилищу по просторному каналу, отходящему от основного русла Нила. Между пристанью и храмом раскинулась большая круглая площадь, посреди которой располагался священный колодец, а на дальнем конце начинались ступени двойной лестницы, ведущей к воротам.

Лестница упиралась в основание могучего пилона или бесхена, как здесь принято было называть подобные сооружения. Перед бесхеном стояли два магических обелиска. Сквозь обитые золотом двери втекал и вытекал народ. Посетителей было довольно много, в основном крестьяне.

Миновав вход, мы с Табубой попали в мощный гладкими плитами первый двор, окруженный невысокой декоративной стеной. Разинув рты, повсюду бродили провинциальные посетители. Иногда среди них мелькали служители храма, облаченные в ярко-зеленые одежды.

Второй бесхен Храма Травы открывал проход в следующий двор, еще более свободный, чем первый. Там была расположена длинная приподнятая платформа, на которой помещалось несколько прямоугольных столбов, поддерживающих крышу портика, вознесшуюся над дверью в гипостильный зал. Вошедшего сюда окружали растущие в два ряда изящные колонны, чья форма имитировала бутоны папируса. Вокруг царил таинственный полумрак. Свет проникал лишь через маленькие квадратные отверстия в потолке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.